

Павел Саксонов

**АНДСКИЕ
РАССКАЗЫ — 2**

Юля

Павел Саксонов

Андские рассказы – 2. Юля

«Издательские решения»

Саксонов П.

Андские рассказы – 2. Юля / П. Саксонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839482-9

Необычное не всегда начинается с сенсаций. Бывает так, что даже признаки необычного проявляются не сразу, маскируясь под обыденность. А бывает и так, что вроде бы необычное налицо, но кажется обыкновенным мошенничеством. Кто, скажите на милость, обещая смерть, обращается к такому символу, как роза?

ISBN 978-5-44-839482-9

© Саксонов П.
© Издательские решения

Содержание

Ограбление на тридцать тысяч долларов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андские рассказы – 2 Юля

Павел Саксонов

© Павел Саксонов, 2017

ISBN 978-5-4483-9482-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ограбление на тридцать тысяч долларов

Необычное не всегда начинается с сенсаций. Бывает так, что даже признаки необычного проявляются не сразу, маскируясь под обыденность. А бывает и так, что вроде бы необычное налицо, но кажется обыкновенным мошенничеством. История, которую я хочу рассказать сегодня, так и началась.

В четыре часа пополудни журналист El Diario Imperial шел по авениде де ла Культура и поглядывал на экран своего смартфона. Он опоздал на довольно важную встречу, безуспешно попытался перезвонить, отправил смс-ку и теперь надеялся получить ответ. Но вместо этого стал свидетелем преступления. Прямо на его глазах здоровенный мужик лет сорока подскочил к садившемуся в такси мужчине примерно такого же возраста, вытащил его обратно на тротуар, быстрым движением задрал ему куртку, сорвал с пояса висевшую на нем сумочку и бросился бежать, но недалеко: метрах в двадцати от места преступления он сел в поджидавшую его машину. Автомобиль сорвался с места и понесся по авениде. Журналист только и успел заметить, что в нем находились еще два человека. Машинально вскинул смартфон и сделал снимок. После чего подошел к потерпевшему.

«Как вы?»

«Меня только что ограбили».

«Это я заметил. Вы сами-то не пострадали?»

«Кажется, нет».

«Нужно сообщить в полицию».

«Да-да! Конечно!» – воскликнул потерпевший, но, как показалось журналисту, не очень уверенно.

Неуверенность насторожила журналиста, но так – мимоходом. По правде говоря, этому своему первому ощущению он значения не придавал. Мало ли в каких реакциях мог выплеснуться испытанный человеком стресс? Все-таки быть ограбленным – ощущение не из приятных.

Позвонили в полицию. Сообщили о произошедшем. Дошли до участка. Пока патруйерос¹ занимались своим делом на улицах, давали показания. Журналист, как невольный свидетель, отделался быстро, а вот с самим потерпевшим затянулось. Офицер, набирая его показания, то и дело задавал уточняющие вопросы. Журналист слушал, и снова у него появилось ощущение того, что в деле что-то не так. Вот что – вкратце – рассказал ограбленный.

«Я, – рассказывал он, – вышел из дома... (адрес и всякое такое) ... около трех часов дня. Мне нужно было заехать в банк, чтобы снять со счета пятнадцать тысяч долларов. Еще пятнадцать тысяч я взял с собой, положив их в „кенгуру“², а саму „кенгуру“ спрятав на поясе под курткой. Примерно в половине четвертого приехал в банк, расположенный на авениде де ла Культура. Точнее, чуть в стороне от нее: на примыкающей улочке (callejón). Да вы и сами знаете: в торговом центре. Там кассир выдал мне деньги, я зашел в кабинку, убедился в том, что никто за мной не наблюдает, и поместил их в ту же „кенгуру“. Потом вышел из банка, прошел пешком до авениды и поймал такси. А когда садился в него, на меня набросился незнакомый мне человек. У меня сложилось впечатление, что он точно знал, где искать деньги. Ограбив меня, он сел в поджидавшую его машину темного (oscuro) цвета, и та мгновенно скрылась в неизвестном направлении. Но я успел заметить, что в машине были еще двое. А еще я успел заметить номер машины. Правда, не совсем точно. Насчет букв не сомневаюсь, а с цифрами – не уверен. Буквы – AZ. Цифры – то ли 104, то ли 014. Еще через минуту ко мне подошел вот

¹ От patrulleros – патрульные.

² Обиходное название сумочки для ношения на поясе.

этот человек (кивок в сторону сидевшего рядом и слушавшего журналиста) и предложил мне помощь. Это всё, что мне известно».

Вероятно, полицейскому, как и журналисту, в показаниях потерпевшего тоже не все понравилось. Во всяком случае, он начал задавать вопросы.

«Вы взяли из дома пятнадцать тысяч долларов?»

«Да».

Полицейский обменялся взглядом с журналистом. Нет, его насторожила не валюта – доллары США. В этом-то как раз ничего необычного не было: в Перу североамериканские доллары очень популярны, накопления и вклады в них – тоже. Инфляция в них ниже, чем инфляция в перуанских солях, пусть даже и в солях ее нельзя назвать большой. Бывает, долларами рассчитываются за товары и услуги. Бывает, предприниматели именно в них ведут расчеты между собой. В принципе, государством это не очень приветствуется, но и не запрещено. А уж обменных пунктов в том же Куско, не считая так называемых *bancaño* (официальных уличных менял), великое множество. Их даже больше, чем было когда-то в Москве, когда люди, не доверяя рублю, скупали валюту. Правда, в Куско, в отличие от Москвы тех лет, обменные пункты и *bancaño* работают больше с туристами, чем с местными. Именно туристы, а не местные жители, их основной хлеб. Но тем не менее. Насторожило же полицейского то, что человек вообще взял с собой в банк пятнадцать тысяч. Как и то, что он хранил их дома. Сумма-то по перуанским меркам немалая!

«Вы собирались совершить крупную покупку?»

Потерпевший замаялся. Всего-то на какое-то мгновение, но этого мгновения хватило, чтобы насторожиться еще больше.

«Да».

«Что именно?» – полицейский демонстративно отодвинулся от ноутбука. – «Не для протокола. Просто любопытно».

«Машину».

«О! – оживился полицейский. – Мне бы тоже мою старушку поменять. Жаль, с моим вкладом в четыре тысячи³ только в кредит и залезать. Завидую. Вы можете сразу сто тысяч⁴ потратить!»

Потерпевший чуточку покраснел, но это тоже длилось недолго.

«Итак, – полицейский снова взялся за ноутбук, – вы вышли из дома, уже имея при себе пятнадцать тысяч долларов США. Взяли такси и доехали до банка на авениде де ла Культура. За вами никто не следил... Нет?»

«Я не заметил».

«А в банк от авениды вы тоже дошли пешком?»

«Нет, подъехал прямо к торговому центру».

«Ну да, ну да, конечно...» – полицейский согласно закивал головой. – «Кассир при вас никому не звонил?»

«Нет».

«А потом вы вышли из банка и пошли на авениду ловить такси».

«Да».

«Около банка такси не нашлось?»

«Нет».

«Действительно: иначе бы вы там в него и сели».

«Разумеется».

«Вы всегда ловите такси прямо на улице? Никогда не заказываете заранее?»

³ Солей. Около 1200 долларов в месяц.

⁴ Солей. Примерно те самые 30 тысяч долларов США.

«Нет. А зачем?»

«Ваша правда. На улице дешевле».

Журналист хмыкнул. Полицейский пнул его ногой.

«Значит, вы дошли до авениды. Начали ловить такси. Так?»

«Да».

«А когда оно подъехало и остановилось, на вас напали».

«Да».

«После чего нападавшие скрылись на собственном автомобиле».

«Да».

«Который все это время был припаркован неподалеку от того места, где вы стояли и ловили такси».

«Наверное. Я не обратил внимания».

«Конечно. Ничего удивительного...»

Так или в таком же духе продолжалось не меньше часа. Даже, пожалуй, больше: полицейский в буквальном смысле всю душу потерпевшего на крошечные детальки разложил. Отпустил он бедолагу не раньше, чем в участок начали поступать первые сообщения о безрезультатных поисках грабителей. А когда тот ушел, полицейский констатировал: «Не верю ни одному его слову. Ничего глупее в жизни не слышал. Ну ладно, допустим: взял он из дома пятнадцать тысяч и поехал еще за деньгами. Допустим. Но почему не заказал такси? Почему не распорядился, чтобы такси его дожидалось? Зачем пешком пошел? Чтобы у торгового центра не было свободных машин? Вы в это верите?» Журналист покачал головой. «Вот и я не верю. А дальше – просто ахинея. Грабитель знал, где искать деньги, но при этом зачем-то ждал, пока *этой* поймает такси. В машине были еще двое. Зачем? Один – понятно: водитель. Но зачем еще один? Если он просто сидел и смотрел, а не помогал грабить? А ведь там еще и знаки повсюду – „стоянка запрещена“. Это что же: стояли под знаком и ждали? Или вот: человек собирается купить новый автомобиль, он сам – водитель со стажем, видели его права? У него стаж – двадцать с лишним лет! Но при этом он не распознал марку и модель машины грабителей! Описывает ее просто как темный седан, скрывшийся в неизвестном направлении. К слову: в каком еще неизвестном направлении можно скрыться по авениде де ла Культура? По этой длинной, прямой улице с разделительной полосой? А номер? Согласен: номер целиком запоминают немногие. Но невозможно заметить все цифры и при этом запутаться: 104 или 014! Набор-то одинаковый, но „сто четыре“ никак не коррелирует с „ноль-один-четыре“. Такая путаница невозможна в принципе. Это...» «Минутку! – журналист выхватил из кармана смартфон. – Да ведь я же сфотографировал автомобиль! Машинально. Вот ведь голова: забыл обо всем!» Появилась фотография. Она была немного смазана, если такое определение применимо к цифровому изображению, однако номер читался. Журналист и полицейский переглянулись: номер не имел ничего общего ни с AZ 104, ни с AZ 014. Сам автомобиль действительно был «темным», но цвет имел вполне узнаваемый: характерный тойотовский темно-серый металлик (gris oscuro). Эмблема тоже была видна: Тойота. И модель невозможно было не признать: самая продаваемая модель в Перу – Ярис Седан. «Не понимаю, – полицейский взялся за телефон, – зачем было так примитивно врать?» Набрал номер и распорядился прекратить поиски неизвестного «темного» автомобиля с номерным знаком то ли AZ 104, то ли AZ 014. «Держите нас в курсе, хорошо?» – попросил, прощаясь, журналист. «Вас – это редакцию?» – уточнил полицейский. «Да, – подтвердил журналист, – меня, моих коллег: безразлично. Это интересно. Думаю, мы дадим материал. Договорились?» «Договорились!»

Авенида де ла Культура – действительно длинный, самый длинный в Куско, проспект, автомобильное движение по которому разделено: где-то – газоном с растущими на нем деревьями, где-то – высоким бордюром, где-то – бетонными кадками со всякой всячиной. Скрыться по ней в неизвестном направлении – дело безнадежное. Даже если свернуть в сторону, никуда,

по большому счету, не денешься. Достаточно перекрыть лишь несколько самых значимых улиц, чтобы полностью заблокировать примыкающие к авениде кварталы. Можно, конечно, загнать автомобиль в какой-нибудь гараж, но на какое время? При существующей ориентировке на поиск его все равно найдут: не сегодня, так завтра; не завтра, так послезавтра – как только он снова окажется на дорогах. Правда, грабежи на собственных автомобилях – явление в Перу исключительное, хотя грабежи на машинах вообще – наоборот, достаточно распространенное. Настолько распространенное, что Министерство внутренних дел в свое время протолкнуло закон о запрете бесконтрольной тонировки автомобильных стекол. Чтобы их затонировать, необходимо получить разрешение. Прийти в полицию, написать заявление, объяснить причину, толкающую тебя на этот шаг (ты, например, публичная личность и не хочешь, чтобы на тебя все пялились, когда ты стоишь на светофоре), а потом каждые два года продлевать разрешение, всякий раз принося в полицию фотографии машины. Система хлопотная и обременительная по времени. К тому же нет никакой гарантии того, что разрешение будет выдано или продлено. Поэтому перуанцы в массе своей не очень заморачиваются тонировкой. Точнее, не заморачивались: с нового, 2017, года все то же Министерство внутренних дел разработало облегченные правила. Карлос Басомбрио (Carlos Basombrió), действующий министр, объяснил это просто: как раз тем, что львиная доля грабежей с применением автомобилей осуществляется не на собственных, а на угнанных машинах, а значит, нет смысла усложнять жизнь законопослушным гражданам. С этой логикой можно поспорить, но журналист El Diario Imperial, идя по авениде, думал немножко о другом. Он думал о том, что стекла в Ярисе не были затонированными. То есть машину, скорее всего, не угнали. На эту же мысль наводила и ложь потерпевшего о регистрационных номерах: зачем было врать, если, во-первых, грабители не были ему знакомы и, во-вторых, поджидали его на краденном автомобиле? А еще – странное поведение самого потерпевшего сразу же после ограбления. Журналист вспомнил о том, как этот человек явно растерялся, когда ему предложили обратиться в полицию. Может, он и не собирался в нее обращаться? Но почему? Если его на самом деле ограбили? Или не ограбили? Но если не ограбили, зачем было устраивать этот спектакль?

Журналист шел, его голова пухла от мыслей, а между тем город вокруг менялся. День миновал, наступил вечер, стемнело. Журналист осмотрелся и хихикнул: как раз самое время для того, чтобы и самому подвергнуться нападению! Конечно, авенида де ла Культура – не лучшее место для грабежей, особенно с применением автомобилей, но мало ли? El Diario Imperial частенько публикует заметки о вот таких – нелепых – грабежах. Идет себе человек, ворон считает. К нему подходит кто-нибудь решительного вида, отбирает кошелек, мобильник и документы и скрывается. Вернее, думает, что скрылся. На деле-то всё иначе: косканская полиция знает город как свои пять пальцев, ее, полиции, много, достаточно быстро позвать на помощь, чтобы ударившийся в бегство грабитель был оперативно задержан. Сама география приходит на помощь как полиции, так и жертвам: затеряться в Куско, зажатом горами в сравнительно узкой долине, не так-то просто. Направлений для бегства немного. Но преступников, преимущественно неопытную молодежь, это соображение не останавливает. Когда в кармане – шаром покати, а вокруг – изобилие дискотек и баров, разум поневоле отступает на задний план, давая место шальным идеям. К тому же есть шанс, что ограбленный окажется туристом, а пока турист сообразит, что нужно делать; пока, не зная что к чему, внятно обо всем расскажет, пройдет немало времени. Время же в таких делах – в буквальном смысле деньги. Разумеется, нельзя сказать, что Куско кишит разбойниками и ворами. Разбойников и воров на душу населения в Куско ничуть не больше, чем где-то еще, а раскрываемость в нем по горячим следам – не в пример и к стыду каким-нибудь Нью-Йорку, Лондону или Парижу. Однако здравый смысл – всегда здравый смысл. А в данном конкретном случае здравый смысл подсказывал журналисту, что лучше взять такси и на нем доехать до редакции, где еще предстояла работа над завтрашним выпуском номера. Так он и поступил.

Работа, однако, сразу не заладилась. Для начала журналист рассказал коллегам о своем приключении, что вызвало бурное обсуждение: не каждый день добычей уличных грабителей становится такая сумма – тридцать тысяч долларов. А потом, когда все-таки пришлось заняться вычиткой и версткой всякой нудной чепухи (номер получался на редкость без огонька), коллектив *El Diario Imperial* нет-нет да возвращался к обсуждению произошедшего. Само отсутствие чего-то более интересного провоцировало на это. Ведь *El Diario Imperial* славится не занудством, не псевдоинформативностью, не тем, что в этой газете тупо перепечатывают чужие новости или послушно сообщают о принятых в муниципалитете решениях, каковому муниципалитету газета и принадлежит. Нет. *El Diario Imperial* – это, прежде всего, принципиальная честность. А принципиальная честность – такая штука, от которой до времени седеют алькальды, лысеют губернаторы и давятся кофе коррехидоры. *El Diario Imperial* – поле битвы между простыми горожанами и властью. Коллектив же газеты, начиная с главного редактора (колоритного мужчины, запросто появляющегося на публике в красных пиджаках и заправленных в ботинки оранжевых брюках свободного покроя) – коллектив газеты всегда на стороне читателей. Если, к примеру, алькальд обещает каждый день высаживать по дереву, но слово не держит, в *El Diario Imperial* появляется язвительная заметка. А в заметке городскому голове припоминается не только обещание сажать деревья. Ему припоминается и то, что он поступает ровно наоборот: устраивает древоцид. Однажды так и было написано: древоцид. По аналогии с геноцидом. Словечко – *arboricidio* – прижилось и еще не раз с удовольствием использовалось: коллектив, представляя лицо алькальда, читающего свежий выпуск, покатывался со смеху. *Recordemos el arboricidio cuando de forma abrupta y sin ninguna consideración esta gestión decidió, no sabemos el por qué, sacar completamente los árboles, pero eso no importó, a pesar de que dichas plantas ya estaban en época de florecimiento*⁵. Вот так: не столько страшен древоцид, сколько то, что он был учинен над уже цветущими растениями! Говорят, алькальд, прочитав такое, и в самом деле чуть не захлебнулся кофе. Увы, но *тот* выпуск, над которым теперь работал коллектив, оставлял желать лучшего. В том смысле, что ни алькальд, ни губернатор, ни какие-то другие чиновники не дали повода написать о них что-нибудь этакое. Да и в городе, равно как и во всем регионе Куско, не происходило ничего интересного. Никто из властей придерживающихся не передрался между собой. Никакой из многочисленных профсоюзов не учинил леденящий душу скандал. В Веласко Астете⁶ не задержали какого-нибудь матерого контрабандиста с «чемоданом красного цвета на колесиках, в котором обнаружили двадцать пять черно-белых перьев кондора, каждое длиной тридцать восемь сантиметров, и головная повязка длиной пятьдесят сантиметров – из перьев гуакамай⁷». На Пласа де Армас не нашли забытый каким-то растеряхой чемодан и поэтому не пришлось вызывать саперов, чтобы извлечь из чемодана («пластикового, белого цвета, с выдвижной ручкой») початую бутылку писко⁸ и недоеденную папайю. Не было вообще ничего интересного или хотя бы способного вызвать интерес подачей. Неудивительно, что дневное происшествие с ограблением на тридцать тысяч долларов не давало коллективу покоя. К сожалению, не было возможности пустить в номер это ограбление так, каким оно представлялось на данный момент: это могло помешать следствию. Уж очень странным оно, ограбление, оказалось!

Часы показывали восемь вечера, когда в редакцию позвонил тот самый полицейский, который днем записывал показания. В его голосе слышалась растерянность, а начал он с того, что припомнил взявшему трубку журналисту «уверенность в том, что дело представляет инте-

⁵ Напомним о древоциде, когда нынешняя власть, без всякого обсуждения и неведь почему, полностью изничтожила деревья. Но это неважно, несмотря на то, что растения уже зацвели.

⁶ Международный аэропорт Куско имени Алехандро Веласко Астете.

⁷ Вид попугая.

⁸ Крепкий алкогольный напиток из винограда.

рес». Вернее, полицейский выразился иначе: «Черт бы вас побрал! Накаркали!» Громкая связь была включена, только что помиравший от скуки коллектив оживился.

«Что случилось? – спросил журналист. – У вас появилась новая информация?» «Это как посмотреть! Может, новая, а может, и старая!» «То есть?» «Вы помните Хесику Паукартамбо?» В Перу очень популярны англосаксонские имена; всевозможных Элвисов, Джонни, Джессик и так далее в стране больше, чем, возможно, в самих Англии и США вместе взятых, только произносятся эти имена не всегда на англосаксонский лад. Если имя начинается с испанской «хота» (J, «джей» в английском алфавите), звучать для непривычного уха оно может весьма своеобразно. Но журналист, услышав «Хесика» вместо «Джессика», не удивился. Он удивился другому: тому, что полицейский заговорил об этой женщине – Джессике Паукартамбо.

Лет десять назад Джессика – или Хесика – Паукартамбо Гонсалес прославилась тем, что ее арестовали при попытке сбыть иностранному коллекционеру крупную партию... человеческих останков. Правда, не просто человеческих останков, не каких-то там ничем не примечательных костей, добытых из первой попавшейся могилы, а украденных из исследовательской лаборатории при крупном музейном центре. Центр находился в Лиме, но сами останки принадлежали слабо изученной культуре из южных Анд, предшествовавшей не только культурам инков (кечуа), чанков и аймара с их Кольей⁹, но и Пукину¹⁰. Трудности изучения заключались в том, что радиоуглеродный метод анализа показывал какую-то бессмыслицу. Несмотря на то, что все останки были извлечены из одного захоронения, их возраст различался аж на четыре тысячи лет: самые старые относились к трехтысячным годам до Рождества Христова, а самые «молодые» – к первому тысячелетию после. При этом между всеми останками имелось близкое генетическое родство, как если бы самые старые из них принадлежали дедушке, а самые «молодые» – внукам, внучкам и племянникам с племянницами. Это выглядело нелепо, но это был факт: загадка, над которой лучшие историки, археологи и антропологи не только Перу, но и всего мира ломали голову на протяжении добрых сорока лет. Каждая кость была помечена, с каждой носились как с писаной торбой. Вот их-то Хесика Паукартамбо и умудрилась сначала украсть, а потом и найти на них покупателя. Или наоборот: сначала нашла покупателя, а потом украла. Как бы то ни было, но скандал получился знатным. Что столичные полицейские, что полицейские из других городов страны изумлялись невероятности произошедшего. Как вообще могло получиться, чтобы темная, невежественная, с грехом пополам закончившая начальную школу женщина – уроженка сельской общины в регионе Куско – смогла провернуть такое? Как она сумела обойти сложную систему охраны? Как сумела вывезти кости в Имперский Город?¹¹ Где и как нашла покупателя – того, которого в итоге задержали бдительные таможенники в Веласко Астете и который оказался французским любителем древностей? Француз, когда его пытали – не в прямом, к сожалению, смысле, – только смеялся в ответ, ничего не поясняя и не раскрывая. А сама Хесика замкнулась в себе и вообще молчала. Складывалось впечатление, что она – немая. Немой-то, разумеется, она не была, но впечатление производила именно такое. В итоге француза и Хесику отдали под суд, а суд приговорил обоих к реально длительным срокам заключения. Но после суда не прошло и полугода, как оба... исчезли! Чуть ли не в один день и даже час. Просто исчезли. Француз – из колонии в регионе Лимы, Хесика – из колонии в регионе Куско. Ни сидевшие вместе с ними дру-

⁹ Государство аймара, покоренное в XV веке кечуа.

¹⁰ Культура (известная также как культура Тиуанако) и одноименное государство, существовавшее предположительно с XVI века до нашей эры и до XI века нашей, когда оно было разрушено аймара. Руины города Тиуанако существуют до сих пор. Впрочем, многие археологи считают, что государство Пукина и Тиуанако – не одно и то же, а Тиуанако погибло вследствие какой-то природной катастрофы задолго до покорения Пукина аймара. Следы природных бедствий на территории Тиуанако действительно обнаруживаются повсеместно. Однако здравый смысл подсказывает, что считать их признаком гибели государства – то же самое, как если заявить, что следы извержения Везувия свидетельствуют о гибели Римского государства в 79 году.

¹¹ Куско. Так его называют жители в память о том, что он был столицей Тауантинсуйу – империи инков.

гие заключенные, ни охрана ничего не понимали. Но если охрана еще пыталась найти какие-то реалистичные оправдания случившемуся, то заключенные словно с ума сошли: они – что в Лиме, что в Куско – твердили, будто француз и Хесика просто растаяли в воздухе, когда вместе с остальными шли на обед. С заключенными на допросах, понятно, особо не церемонились, но даже физическое воздействие не смогло изменить их показания. Наоборот, насилие над ними вызвало неподдельную обиду: обычно-то, если есть за что, побои обид не вызывают – у каждого своя работа, – но здесь получалось так, что людей колотили зря. Им, как в этом убедились следователи, действительно было нечего сказать! Кроме той околесицы, которую они, как один, твердили и твердили. Поиски ничего не дали. Закрытие границ – тоже. Существовала вероятность, что беглецы, несмотря на полицейские заставы по всем дорогам, каким-то образом ухитрились добраться до сельвы и там, спускаясь по рекам или пробираясь вдоль их течений, сумели выбраться в какую-нибудь соседнюю страну – в ту же Бразилию, например, однако ни в Бразилии, ни где-либо еще они так и не появились. Тамошние власти за это ругались. Существовала и еще одна вероятность: француз и Хесика могли сесть на рыболовецкое судно: в сезон их много курсирует вдоль побережья, причем далеко не все из них перуанские и далеко не все занимаются легальным промыслом. Если случилось именно так (пусть и непонятно было: не вплавь же беглецы добрались до рыбаков?), поиски были обречены: даже вернувшись в родные порты, рыбаки не стали бы распространяться о своих «гостях», а портовые власти, прекрасно осведомленные о нелегальном бизнесе своих «подопечных», не стали бы делиться информацией с полицией Перу. Во-первых, потому что имеют с бизнеса своих «подопечных» малую толику и на собственный хлеб. А во-вторых, потому что чаще всего такие суда – эквадорские, а Эквадор, как он считает, несправедливо и сильно страдает от перуанской Guardacostas – подразделения ВМФ, занимающегося, помимо прочего, патрулированием территориальных вод. Эта Guardacostas постоянно задерживает эквадорских рыбаков, арестовывает их лодки, доставляет их в перуанские порты и обрекает на выплату крупных штрафов, не говоря уже о том, что уловы конфисковываются. Разумеется, властям Эквадора описание и запрос на задержание и выдачу француз и Хесика тоже направили, но особых иллюзий на этот счет не питали. А в конце концов именно к «эквадорскому варианту» следствие и стало склоняться: беглецы как в воду канули, а такого просто не могло быть. При условии, конечно, что в сельве их не съели крокодилы, а в океане – акулы. И вот, прошло примерно десять лет, и Хесика Паукартамбо выплыла на свет божий, причем совсем не при таких обстоятельствах, при которых могла бы.

«Конечно, помню! – подтвердил журналист. – Но причем здесь она?» «А при том, – ответил полицейский, – что ее отпечатки пальцев найдены в машине грабителей». «Что?» – воскликнул журналист. «Вот так». «Значит, вы нашли машину?» «Конечно. Номер, цвет, марка... было бы странно, если бы мы ее не нашли». «А в ней – отпечатки пальцев Хесики?» «Да». «Ушам своим не верю!» «А мы не поверили своим глазам». «Где же вы нашли машину?» «Ее бросили на Эвитаменте».

Журналист хмыкнул. Другие члены коллектива придвинулись к нему поближе. Дело в том, что виа или авенида де Эвитаменте – место специфическое. Долгое время здесь были просто трущобы. Но потом до кого-то дошло, что протянувшаяся посреди трущоб длинная улочка (к слову, шедшая практически параллельно авениде де ла Культура) отлично подходит для обустройства скоростной – «вылетной», как сказали бы у нас, в России – магистрали, по которой можно пустить транспорт, стремящийся выехать из Куско на юг: в сторону Пуно и Арекипы. Сказано – сделано: улочку включили в план развития города, нашли подрядчика, выбили из центрального правительства деньги. Довольно существенную сумму: около ста миллионов долларов, а если совсем точно – 298 миллионов солей. Работы начались, какое-то время шли очень бурно, а потом застопорились. Подрядчик – компания Одебрехт (Odebrecht) – заявил, что выделенных денег не хватает на выкуп земельных участков у их собственни-

ков, не говоря уже о продолжении работ. В региональном правительстве почесали головы и выдали еще 60 миллионов. С проблемой завышенных цен на землю региональное правительство сталкивается постоянно, поэтому заверения подрядчика никого не удивили и не насторожили. Да и сам подрядчик на тот момент являлся очень уважаемой конторой, известной участием в крупных инфраструктурных проектах: строительстве больниц, прокладке газопроводов и куче чего еще. К маю 2016 года дорога была сдана. А потом грянул грандиозный скандал. На самом высшем государственном уровне Одебрехт обвинили в создании коррупционных и мошеннических схем, подкупе чиновников и контроллеров, присвоении и выводе из страны полученных на подряды денег. Только на вершине того, что внезапно оказалось на свету, заискрилась всеми цветами радуги очаровательная сумма в полмиллиарда долларов, розданных в качестве взяток. Начали вскрываться дела, в которых Одебрехт вроде бы напрямую не участвовала, но ход которых контролировала втихую. В том же Куско была проведена проверка обстоятельств заморозки работ на строительстве госпиталя Антонио Лорена. Работы велись другой компанией, OAS, но оказалось, что OAS и Одебрехт друг с другом тесно связаны. Это был финиш¹². Однако для нас более важно то, что виа (или авенида) Эвита-мьенто, несмотря на то, что она из улочки с грунтовым покрытием превратилась в современное асфальтированное шоссе, так и осталась трущобным районом – возможно, самым криминальным и опасным в Имперском Городе. Если верить свидетельствам его жителей, преступления здесь – обыденность. Причем направлены эти преступления против своих же – против тех, кто здесь родился, живет и никуда уезжать не собирается. Как в таких случаях принято говорить, преступники гадят там, где сами же и обитают. Нельзя сказать, что терпение жителей Эвита-мьенто бесконечно. Недавно они устроили акцию протеста, требуя от властей города заняться, наконец, несчастным районом. А если, – заявили они, – их требования не будут услышаны, они перекроют эту важную артерию.

«Эвита-мьенто?» «Да». «Ну конечно! Где, как не там, лучше всего избавиться от автомобиля. Но подождите: а владелец-то кто?» «Надеюсь, вы сидите, а не стоите?» – спросил полицейский. «Ну!» «Владелец – наш потерпевший». «Вы хотите сказать, его ограбили, воспользовавшись его же автомобилем?» «Именно». «И это – тот же автомобиль, в котором найдены отпечатки пальцев Хесики?» «Именно!» «И этот автомобиль бросили на Эвита-мьенто, поняв, что к делу подключилась полиция?» «Именно!» «Послушайте... – журналист запнулся, чувствуя, как по его позвоночнику пробежал холодок. – А больше вы в машине *ничего* не нашли?»

Полицейский ответил не сразу. По громкой связи было слышно, как он чем-то по чему-то принялся постукивать. Не пальцами по столу, а скорее линейкой по кружке: звук отдавал стеклом. Это, если честно, раздражало. «Да перестаньте вы!» – не удержался журналист. Постукивание прекратилось. Полицейский ответил: «Нашли. Куклу». «Какую еще куклу?» – опешил журналист. «Обычную. Или нет: очень необычную. Глиняную. Она сейчас прямо передо мной стоит. Жуткое уродство». «Так вы еще в участке?» «Да». «Я сейчас буду!» «Мы сейчас будем!» – закричали, вскакивая со стульев наличные члены коллектива El Diario Imperial. «Давайте, – без особого восторга отозвался полицейский. – Тем более что ваш главный уже здесь. Я ему первому позвонил». Члены коллектива переглянулись. «Вот сукин сын!» – вырвалось у одного из них. Но это, само-собой, относилось не главному редактору: главного редактора в El Diario Imperial по-настоящему уважают.

Кукла и впрямь оказалась фантастически уродливой. Она не была старинной штучкой: по всем признакам ее слепили сравнительно недавно. Но, тем не менее, создавалось впечатле-

¹² Расследование деятельности Одебрехт выявило, что компания осуществляла махинации, как минимум, в 12 странах, включая Соединенные Штаты. В настоящий момент руководству компании предъявлены многочисленные обвинения в Перу, США, Бразилии, Мексике, Эквадоре и т. д. В том же Перу по так называемому «делу Одебрехт» (caso Odebrecht) подозреваемыми и обвиняемыми проходят бывшие высокопоставленные чиновники и даже бывшие президенты Перу Алехандро Толедо, Алан Гарсия и Ольянта Умала, а также супруга последнего – Надин Эредья.

ние, что тот, кто ее лепил, в качестве образца имел перед собой одну из тех ледящихся кровей-фигурок, которые свойственны керамике некоторых древних андских культур и культур тихоокеанского побережья Южной Америки. Скорее всего, она изображала какого-то злого бога, но какого и чьего именно, сказать было трудно. Кукла обладала сходством с многими злыми богами – такими, какими их представляли люди, жившие много веков назад. Кому и зачем в наше время понадобилось лепить это чудище? Может быть, на потребу туристов? Но для туристов существуют другие сувениры. Тем более что везти в поклаже глину – задача не из легких. Велика вероятность того, что на другой конец света, откуда обычно и прибывают интересующиеся перуанскими древностями туристы, прилетят обломки, а не то, за что были заплачены деньги.

«Она лежала в багажнике, – пояснил полицейский, – в нише для запасного колеса. Как не разбилась – удивительно. Но не разбилась».

«Отпечатки?»

«Нет. Если хотите, можете смело брать ее в руки». Однако взять ее в руки никто не рискнул. Главный редактор *El Diario Imperial*, видя вытянувшиеся лица своих сотрудников (а эти сотрудники немало повидали), улыбнулся: «Отвратительно, правда? Я тоже решил: ну ее к черту!» «Ее что же – протерли тряпкой?» – спросил один из журналистов. «Да, похоже на то, – ответил полицейский. – На ней имеются следы бензина и масла». «А где нашли отпечатки Хесики?» «В салоне. На внутренней стороне крышки бардачка». «Что говорит... потерпевший?» Полицейский дернул бровями, из-за чего на мгновение его скучное лицо стало очень живым: по нему пробежала гримаса то ли досады за собственную нерасторопность, то ли насмешки над ситуацией, то ли злости. «Ничего не говорит. Мы не смогли его найти. Он скрылся. Дома его нет, соседи понятия не имеют, куда он мог уйти. Соседи о нем вообще ничего не знают. Любопытный тип оказался. Уже год как въехал в дом, но за все это время ни с кем не познакомился. Соседи уверяют, что он избегал знакомств. Даже когда с ним здоровались при встрече, он делал вид, что не расслышал, и торопился проскользнуть мимо. Представляете? Единственная, кто хоть что-то смогла о нем рассказать, – приемщица в прачечной. Наш „потерпевший“ жил один, белье сам не стирал. Возможно, считал, что прачечная дешевле или удобней, чем собственная стиральная машина. Так вот. Приемщица – дама шестидесяти пяти лет. С людьми работает чуть ли не с детства. Поневоле научилась в психотипах разбираться. Наблюдательна. Она говорит, что весь последний месяц этот ее клиент чего-то очень боялся. Раньше, когда он только появился, он был спокойным и даже уверенным в себе человеком. Замкнутым, но не стервозным: никогда не предъявлял никаких претензий и всегда оставлял сверх счета и даже очень неплохо оставлял. Если бы не ухоженные руки без мозолей, он мог бы сойти за бывшего бедняка, на собственной шкуре познавшего, что такое вкалывать за гроши с утра до ночи. Но руки у него человека, который никогда не занимался физическим трудом. Из этого приемщица сделала вывод, что он просто хороший и добрый человек. А то, что других людей сторонится – ну так что же: мало ли какие на это могут быть причины? Может, он в печали... Не улыбайтесь: это не моя фантазия, она так и выразилась: в печали. Предположила, что он потерял жену: заметила на его пальце след от кольца. Но мы-то с вами знаем, что женат он не был. Поэтому если он и носил кольцо, то уж точно не обручальное. И если находился в печали, то уж точно не из-за того, что потерял супругу. А в последний месяц его как подменили. Он стал дерганым, нервным, несколько раз срывался на крик и подпрыгивал до потолка, стоило зазвонить телефону. Выхватывал телефон из кармана, смотрел на экран и на вызов не отвечал. Сбрасывал. Приемщица решила, что у него по работе проблемы. Правда, где он работает и кем, она не знает, но думает, что он – какой-нибудь агент. У него явно свободный график. Он приходил в любое время: утром, днем – безразлично. Мы побывали в его квартире. Это все на той же авениде де ла Культура. Многоквартирный десятиэтажный дом. Ну, вы знаете такие: со всякими системами охраны – от пожаров и прочих бедствий, с собствен-

ной парковкой... Но квартира скромная: две комнаты (dormitorio, буквально – спальня), кухня (comedor, буквально – столовая), душ (baño – ванная комната). Обставлена квартира без изысков. Техники – минимум. Но главное для нас – ничего, что помогло бы разобраться в происходящем. Абсолютно безликая квартира. Даже гостиничные номера дают больше информации о проживающих в них людях. Что же до впечатков в квартире, все, очевидно, самого „потерпевшего“: одного человека. Мы все перевернули вверх дном, но ничего интересного не нашли. Обидно. Завтра придется докладывать в Лиму, а у нас – ничего. Да еще и сами растяпами оказались». «Да уж, – согласился один из журналистов. – Растяпами – это мягко сказано. Насколько я понимаю, повременить с докладом не получится?» Полицейский не обиделся, но взглянул на журналиста осуждающе: «Ваш коллега тоже здесь был и тоже всё видел. Получается, он тоже растяпа. А повременить – нет, не выйдет. Хесика – это не шутка. Мы не можем скрывать ее появление. Мы...» «Подождите, – перебил полицейского другой журналист: не тот, который назвал его растяпой, – а что с грабителями? С ними-то что?» «Кое-что есть».

Полицейский не то чтобы оживился, но выражение деланой скуки с его лица пропало. «Отпечатки одного из них нашлись в нашей базе. Того, который сидел за рулем. Не Бог вещь какая птица, но персонаж довольно любопытный. Хотите смеяться, хотите – нет, но пару лет назад мы прихватили его за торговлю наркотиками. Точнее, коллеги из „Зеленого эскадрона“ прихватили. В самом центре. На кайе Прокурадорес. Честное слово, будь я торговцем наркотиками, я бы поостерегся торговать на улице с таким названием! Дурное предзнаменование, очень дурное!» Все заулыбались. «Когда его взяли, – продолжил полицейский, – на вид ему и шестнадцати не было¹³, но оказалось – все двадцать. Поймали его впервые, товара при нем всего-то и было, что пара пакетиков марихуаны, характеристику ему дали положительную – он работал в автомастерской, – в общем, отделался легко. Но еще через полгода его взяли в автобусе. С десятком чужих кошельков и тремя мобильниками. На этот раз он сел. Но ненадолго. Получил год. Вышел, устроился на прежнюю работу в автомастерской. Но еще через пару месяцев мастерскую закрыли: из-за многочисленных жалоб. Подозревали, что через нее реализуются краденые запчасти, однако обыск ничего не дал. Хозяин даже в суд на полицию умудрился подать: мол, опорочили его честное имя, лишили клиентуры, угробили дело, оставили без куска хлеба и всякое такое. Но суд иск отклонил, потому что вскрылись еще кое-какие обстоятельства. А именно то, что хозяин автомастерской оказался совсем не бедным человеком и при этом за последние пять лет практически не платил никаких налогов. Пользовался ставкой на микропредприятия, занижая доходы. В суде просто поразились такой то ли наглости, то ли непрошибаемой глупости. Это же надо – иметь рыльце в пушку, знать, что любая мало-мальски серьезная проверка это выявит, но пойти и начать судиться с полицией! Ну да черт с ним, с хозяином. А вот наш персонаж и после этого никуда не делся. Как только мастерская закрылась, он тут же устроился в другую. И что бы вы думали? Его приняли с распростертыми объятьями! Как будто специально местечко для него придерживали. Он, не поверите, даже заходил сюда, в участок, и вот за этим самым столом, – полицейский хлопнул ладонью по своему собственному столу, – имел наглость этим хвастаться. Честно скажу: я так и не понял, зачем он это сделал. За шиворот его никто не тащил, никаких дел в участке у него не было. Он просто взял и пришел. Уселся за мой стол и начал рассказывать, как это здорово – жить, имея таких друзей. Только не спрашивайте, о каких друзьях он говорил: понятия не имею. Я тогда подумал, а не под кайфом ли он, но решил, что ну его: просто велел ему убираться». «Убрался?» – с неожиданным интересом спросил главный редактор El Diario Imperial. «Конечно, – ответил полицейский, не понимая, что в его словах вызвало такой интерес. – Убрался. А что?» Главный редактор хмыкнул. «А то, – сказал он, – что еще через несколько недель он оказался за рулем

¹³ Одна из задач «Зеленого Эскадрона» (Escuadrón Verde) – борьба с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними.

машины, в которой найдены отпечатки пальцев Хесики. И вот эта кукла. А сама машина принадлежит человеку, который весь последний месяц чего-то очень боялся. Человеку, которого ограбили на тридцать тысяч долларов, используя его же собственный автомобиль. Человеку, который, судя по всему, очень не хотел заявлять об ограблении в полицию... Ну же, капитан! На какие мысли это наводит?» Полицейский посмотрел на куклу, на главного редактора, на журналистов, покраснел, побледнел, но, явно будучи человеком искренним, признался: «Вы правы. Но как я мог догадаться – тогда? Это сейчас легко сопоставить факты, а тогда? Передо мной сидел наглый двадцатидвухлетний паяц, только что не смеявшийся мне в лицо. Как я мог догадаться, что он хотел меня предупредить?»

Зазвонил телефон. «Национальная по... кто? Ах, это вы! Что вы нашли? – полицейский вскочил со стула. – Повторите! Да, спасибо, это очень важно. Я сейчас буду. Пожалуйста, дождитесь меня».

«Что?»

«Что?»

«Звонила приемщица из прачечной. Вспомнила, что на днях, когда наш „потерпевший“ сдавал белье, она обнаружила в кармане его брюк несколько монет. Хотела вернуть их, но тот отказался. Махнул рукой и сказал, что это – мелочь. Никчемные железки, потому что ни один банк в Перу их не примет и на соли не обменяет. А если где и обменяют, то разве что в Лиме. Но не лететь же туда из-за такой ерунды? Монеты золотистые, очень, как выразилась приемщица, симпатичные, номиналом в 50 центов. Только не центов США. Еврозоны. На каждой монете – буквы: F и R».

«Франция!»

«Вот именно. Франция».

Полицейский выбрался из-за стола. Журналисты и главный редактор пошли на выход из кабинета. «Вы со мной?» – окликнул их полицейский. Ответил главный редактор: «Нет, мы возвращаемся в редакцию. Нужно прикинуть, что да как, а времени до сдачи номера в типографию остается в обрез. Одиннадцатый час вечера! Скажу прямо: сомневаюсь, что мы дадим эту историю. Не сейчас – точно. Но дать материал о возвращении Хесики мы обязаны. Только как? Удачи вам, капитан, держите нас в курсе. Ко всем этим чудесам мы еще обязательно вернемся, но... вы понимаете: когда хоть что-нибудь прояснится. Слишком уж все запутано. Слишком... а, ладно! – Главный редактор махнул рукой. – Это никуда не годится. Кости, кукла, Хесика, ограбление... Мы...»

Погас свет.

«Очень смешно!» – воскликнул полицейский, споткнувшись о стул.

«Это не я!» – отозвался из темноты главный редактор.

«И не я!» – журналист, ближе всех стоявший к выключателю.

«Тогда...»

Окно участка осветилось красным. Оглушительно громыхнуло.

«Что за...»

Еще один взрыв. А потом – еще и еще. Целая серия взрывов. Окно заливалось красным, зеленым, золотистым. Послышался треск.

«Черт! Да это петарды!»

Расталкивая всех, полицейский бросился из кабинета. Журналисты – за ним. Выбежали на улицу и обнаружили, что петарды (а это были действительно они) взлетали из кузова припаркованного около участка пикапа. Взлетали хаотично, разлетались в разные стороны, очень небезопасно. Одна из них ударилась в стену участка и рассыпалась огненными искрами. На стене остался черный след.

«Огнетушитель! Быстрее!» – заорал полицейский.

Но было поздно. Никто из выбежавших из участка – журналистов и других полицейских, смотревших на происходившее с разинутыми от изумления ртами – не осмелился приблизиться к пикапу. А тот – к слову, полицейский же, с соответствующей надписью вдоль борта и с мигалками на крыше кабины – продолжал разбрасывать из себя сатанинские игрушки. Его открытый кузов был доверху набит коробками с пиротехникой. Капитан схватился за голову и присел на корточки.

Несколько секунд, и пикап превратился в настоящий вулкан. А еще через несколько секунд посыпались разбитые стекла: с десяток петард одновременно угодили в участок, но уже не в стену, а в окна. «Бомберос!¹⁴ Звоните бомберос!» – кричали со всех сторон. Люди пятились, пригибались, стремились спрятаться за росшие во дворе деревья, но сбежать со двора не решались. Занялась стоявшая рядом с пикапом патрульная машина. «Боже мой! Боже мой!» «Что происходит?» «Что?» «Что?» «Что?» – во двор, тесня полицейских и журналистов обратно к участку, начали вваливаться человеческие толпы: привлеченные взрывами прохожие с авениды и посетители расположенной неподалеку дискотеки. Кто-то из них, увидев феерическую картину разлетавшихся во все стороны петард, рассмеялся. Но теперь хотя бы, только что ошеломленные и подавленные, полицейские почувствовали, что снова могут заняться делом. Прикрикивая на незваных визитеров, они принялись гнать их со двора. Те упирались, но не очень: через несколько минут двор удалось очистить от посторонней публики. А когда с этим было покончено, полицейские, сбившись в одну кучку с журналистами под прикрытием группы из нескольких росших рядом друг с другом деревьев, обнаружили, что спасать уже нечего. Из окон участка вырывались пламя и дым. Вся стоянка перед ним тоже полыхала. Пикап, двенадцать патрульных машин, машина главного редактора *El Diario Imperial* – всё это было охвачено огнем. Начали рваться топливные баки и крыши.

«Какой идиот догадался до такого? – Главный редактор, глядя на свой горевший автомобиль, указал на не менее весело горевший пикап. – Кому понадобилось столько пиротехники? Зачем?» «Рождество!» – ответил капитан. «Оно-то каким боком? Вы что, собирались салюты запускать?» «Нет! Это всё конфискат!» Главный редактор выругался. «Точно! Совсем забыл! Алькальд же подписал указ о запрете пиротехники!¹⁵ Вот дерьмо!» Кто или что дерьмо, капитан выспрашивать не стал. Он стоял рядом с главным редактором и печально смотрел на пожар. А потом, когда уже слышались сирены приближавшихся бомберос, констатировал: «Погибли отпечатки». «Какие отпечатки?» – не сразу понял главный. «Хесики». «То есть?» Капитан указал на машину, горевшую рядом с редакторской. «Это она?!» «Да. Тот самый Ярис». «Тьфу ты!» – Главный и в самом деле сплюнул и растер плевков подошвой ботинка. «И кукла наверняка погибла», – добавил капитан. Главный редактор сплюнул еще раз. «Ну, что я могу сказать? Поздравляю!» Смерил грустного капитана взглядом неясного значения и позвал своих: «Идемте отсюда. Нам здесь больше нечего делать».

Утром номер *El Diario Imperial* вышел с красочной фотографией на первой странице, со статьей о пожаре – на целый разворот и с небольшой, засунутой в самый конец, ближе к разделу о новостях спорта, заметкой об ограблении на тридцать тысяч долларов и якобы вернувшейся из небытия Хесике Паукартамбо Гонсалес. О деталях в заметке не было ни слова. О монетах – тоже. После долгих споров главный редактор своей властью запретил публиковать

¹⁴ Bomberos, пожарные.

¹⁵ В 2016 году власти многих регионов Перу полностью запретили продажу пиротехники и ее использование в праздничные или в любые другие дни. Однако в Куско столь категорического запрета не было. Как результат, например, сгоревший на Пласа де Армас в новогоднюю ночь павильон со сценками на рождественские мотивы. А незадолго до этого – выгоревший догласа полицейский участок в одном из городков региона, причем события развивались практически так же, как описано здесь. Еще немного раньше, сразу же после Дня всех святых (1 ноября), в Лиме пожар уничтожил целый жилой квартал – известный на всю страну и за ее пределами «городок» художников и ремесленников из индейского племени шипибо-конибо. Сгорело пятьсот домов. Без крова остались тысячи людей. Правда, есть подозрение, что виной этому не петарды, а поджог. Тем не менее, власти всех округов Лимы пиротехнику также запретили.

подробности. Не стали заново мусолить и обстоятельства давнишнего дела о краже «исторических костей». Ограничились сообщением, что ожидается прибытие из Лимы особой следственной группы. О том, что улики, необходимые для следствия по делу Хесики, погибли в пожаре, умолчали так же, как и о многом другом. Это Главный пояснил так: «Что там погибло или нет, не нашего ума дело. Может, ничего и не погибло. Современная криминалистика творит чудеса. Мы не будем бросать фекалии в нашу полицию на глазах чужаков. Это – наш город, наша полиция, нам не к лицу устраивать склоки между собой, когда попахивает скандалом на самом высшем уровне (en el nivel nacional)». Коллектив El Diario Imperial с таким доводом согласился: солидарность граждан Куско – штука особенная. Похлеще солидарности москвичей, плечом к плечу взвизывающихся на дыбы, когда жители других российских регионов принимаются обвинять их во всех смертных грехах. Граждане Куско не дожидаются обвинений. Они становятся плечом к плечу загодя. Именно поэтому, к примеру, начальник полиции Имперского Города – единственный из всех высших региональных офицеров полиции страны – осмелился взбунтоваться против министра внутренних дел, когда тот решил расформировать дорожную полицию. Министр тогда заявил, что дорожная полиция не занимается ничем, кроме регулирования перекрестков. А с этим-де способны справиться и светофоры. «Может быть, в Лиме, – в ответ на это заявил косканец, – дорожные полицейские и годятся только на то, чтобы служить живыми светофорами, но в Куско они еще и работают». И отказался подчиниться приказу. Министр рвал и метал, но против косканской солидарности поделаться ничего не смог: рядом с начальником полиции Имперского Города тут же встали его же алькальд и губернатор региона, которые в другое время самозабвенно грызлись друг с дружкой. А раз уж министр не смог распустить дорожную полицию в одном регионе, не стал он ее распускать и в других: это выглядело бы смешно. В общем, коллектив El Diario Imperial принял аргумент своего главного как должное и не стал распространяться на страницах газеты о том, о чем распространяться не следовало.

Однако благие намерения – благими намерениями, но если уж сразу что-то пошло не так, вероятность «нормализации процесса» невысока. Закон подлости. Сработал он и на этот раз. Правда, не совсем обычно: замаскировался под привычную для El Diario Imperial отзывчивость читателей.

Не прошло и часа после того, как свежий номер газеты – с фотографией, статьей и заметкой – появился в продаже, редакционные телефоны принялись безостановочно звонить. В большинстве звонков ничего информативного не было. Люди просто интересовались всякой всячиной: обошелся ли пожар без жертв (в статье об этом ничего не говорилось), на какую сумму потянет ущерб и была ли застрахована машина главного редактора (конечно, была), зачем наполненный пиротехникой пикап припарковали возле участка (откуда нам знать?), случайным ли было возгорание или кто-то неудачно пошутил (это – забота следствия), будут ли восстановлены сгоревшие зеленые насаждения (почему вы решили, что они сгорели?), куда переместят полицейский участок (на это лучше ответят в самой полиции). И так далее, и тому подобное.

Журналисты, поочередно отвлекаясь на звонки, старались общаться с людьми предельно вежливо и корректно и даже не забывали шутить – смотря по обстоятельствам: если звонивший казался по голосу молодым, отпускали не совсем приличные шутки; если звонил человек с дотошно-правильным выговором, пускали в ход какую-нибудь избитую шутку – из тех, какие обожают авторы академических статей в солидных ежегодных бюллетенях, когда решают прикинуться простыми смертными; если же голос был женским – особенно если голос явно принадлежал даме почтенного возраста, – превращались в куртуазных кабаљеро и шутили соответствующим образом. Ничего непривычного. Всё как в любой другой раз, когда в газете появлялось что-нибудь, что вызывало у читателей интерес. Так бы и прошел весь день, но ближе к обеду раздался звонок, ожидать которого не мог никто. Поднявший трубку и отве-

тивший журналист приготовился отпустить очередную шутку, но вдруг переменялся в лице и замахал свободной рукой, привлекая внимание коллег. Включил громкую связь и положил трубку на стол.

«Простите, сеньор, не расслышал вашего имени. Вы бы не могли представиться еще раз?» «Рауль». «Здравствуйте, Рауль. Значит, вы тоже интересуетесь пожаром? Да?» «Я уже сказал: меня интересует только одно. Я...» «Да-да, Рауль, я понимаю. Так что же вас интересует?» «Кукла сгорела или нет?» «Какая кукла?» «Послушайте! – звонивший, похоже, злился и не бросал трубку только потому, что он действительно хотел узнать нечто очень важное для себя. – Послушайте, господин журналист, не валяйте дурака. Вы там были, вы знаете, о какой кукле я говорю. Она сгорела или нет? Отвечайте!» «Рауль, – журналист наполнил свой собственный голос примирительными нотками, – скажите, пожалуйста, почему я должен вам отвечать? Если вы назовете причину, я, возможно, отвечу. Заметьте, я не говорю, что отвечу. Я честен с вами. Я говорю, что возможно отвечу. Будьте и вы честным со мной. Почему вы интересуетесь куклой?»

Назвавшийся Раулем незнакомец молчал, но трубку по-прежнему не вешал. «Хорошо, – зашел с другой стороны журналист, – ответьте на другой вопрос: вас что-то беспокоит?» «Да». «Что именно? Я могу вам помочь?» «Возможно». «Но что же все-таки вас беспокоит, и как я могу вам помочь? Давайте так. Я...» Журналист, показывая жестами, чтобы кто-нибудь другой связался с полицией, заговорил с Раулем медленно-медленно, так, чтобы начатый им, журналистом, монолог продлился как можно дольше, но вместе с тем и не вызвал у Рауля подозрений. А пока он проделывал этот фокус, другой журналист – с мобильником в руке – вышел в коридор: чтобы Рауль не услышал то, чего слышать ему не полагалось. Вернувшись в комнату, он протянул коллеге записку: «Цела». Тот изумленно выгнул брови, как бы переспрашивая: «Точно?» «Точно, точно!» – закивал головой связавшийся с полицией. «Ну что же, Рауль, вы видите, мое предложение справедливо. Итак?» «Хорошо, я согласен. Вы же не обманете?» «Нет». «Тогда на Эвитамьенто. – Рауль назвал адрес. – Ориентируйтесь по вывеске „Дрова“».

Главный редактор, узнав о готовящейся встрече с неким Раулем, в восторг, мягко говоря, не пришел. Журналисты, предвидя такую реакцию, подумывали, а не скрыть ли это дело, но не рискнули: было бы еще хуже. Главный же и впрямь разбушевался. Вообще-то он – не любитель переходить на крик, но тут не сдержался. А когда покончил с образными выражениями, задал своим подчиненным очень простой вопрос: «Вы хоть понимаете, что натворили?» Но хотя вопрос и был простым, ответить на него было сложновато. Потому что, с одной стороны, журналисты, конечно, всё понимали, но с другой, уж очень не хотели признавать ошибкой свое стремление ухватить за кончик ниточки в клубке запутанных событий. «Отпустить вас одних я не могу, – между тем, говорил Главный. – „Дрова“! Это же надо – „Дрова“. А почему не бюро ритуальных услуг? Согласен, если Рауль – тот самый водитель, он – не убийца. Но что мы знаем о двух других? Почему вы решили, что их не будет на встрече? Потому что Рауль так сказал? А если он сам – жертва? А если его отслеживают? Нет, как хотите, но отпустить вас одних я не могу. Но как же вас не отпустить одних, если вы согласились на условие, что полиции не будет? Что вы вообще ни о чем в полицию не сообщите? Признайтесь как на духу: вы ополоумели, да? Когда это мы действовали на свой страх и риск? В обход полиции и других официальных структур? Мы что – частное детективное агентство? Мы никогда не лезли поперек следствия и никогда ничего ни от кого не скрывали. Наша сила не в том, что мы готовы докапываться до истины, когда это того стоит или может помочь людям. Наша сила в том, что мы опираемся на оказываемое нам доверие, в том числе и на то доверие, которое нам оказывают полиция и прокуратура. Если мы начнем своевольничать, утаивать известное нам – пиши пропало. Нас в жизни больше ни к чему не подпустят. Отовсюду вытолкают взашей. Мы превратимся в желтый листок, питающийся не фактами, а сплетнями! Я уже молчу о том, что мы сами превратимся в преступников, потому что только преступники скрываются и бегают

от полиции. Хорошенькую свинью вы мне подложили! (Hicisteis una grande marranada para mí). Что я должен делать?»

Очевидно, вопрос носил риторический характер, поэтому журналисты промолчали. А Главный поерзал в кресле, поерзал, взялся за телефон, но тут же его отложил. Еще поерзал, встал из кресла и прошелся по кабинету. Журналисты терпеливо ожидали решения. Они понимали, что вышли за рамки дозволенного, но все же надеялись на то, что Главный сумеет найти выход. А тот подошел к окну и мрачно воззрился на суету за ним. Шел дождь. На узких тротуарах узкой улицы – как-никак, исторический центр! – развернулась настоящая битва зонтов. Эти зонты цеплялись друг за друга, отталкивались, временами, сцепившись, выворачивали друг друга спицами наружу, и всё это под энергичные восклицания своих владельцев и владелиц. А между покрытыми взбесившимися зонтами тротуарами изображала жизнь проезжая часть. На самом-то деле проезжая часть была мертва, но прикидывалась живой: застывшие в пробке автомобили сигналили, расцветчивались огоньками стоп-фар, взмахивали дворниками, сметая со стекол дождевую воду. Иногда, нужно признать, получалось удачно. Вот старенький «Уно» с единственным дворником через стекло смахнул воду так, что она водопадом обрушилась на соседнюю машину, и та возмущенно загудела. А вот темно-серый «Ярис», стоящий вплотную к тротуару, обдал брызгами из-под дворников кого-то под симпатичным вишневым зонтом, и этот кто-то, оказавшийся молоденькой девушкой, немедленно закрыл зонт и принялся лупить им по зеркалу «Яриса».

Главный резко повернулся, в два шага преодолел расстояние от окна до письменного стола, схватил телефон и набрал номер. «Алло! Капитан? Когда из Лимы ждете гостей? Завтра? А новенькое что-нибудь есть? Ничего? А вот у нас есть. Но это – между нами. Можете выбраться на...» «Эвитаменте», – подсказал запнувшегося Главному один из журналистов, но Главный только глазами сверкнул. «В кафе неподалеку от вашего бывшего участка? Да? Через полчаса? Отлично! До встречи!» Сунул телефон в карман и коротко скомандовал: «За мной!» Вышел, не оглядываясь на журналистов, из кабинета и – пешком по лестнице – спустился на первый этаж. «Ну, вы здесь?» «Да!» – хором ответили журналисты. «Едем!» Но, разумеется, не поехали, а побежали, толкаясь с прохожими, вниз по застывшей в пробке улице: к Кориқанче¹⁶.

Капитан и так-то выглядел неважно – был бледным и осунувшимся после явно бессонной ночи, – а когда услышал о предстоявшей встрече с Раулем, совсем поплохел лицом, поставил чашку с кофе на стол и уныло спросил: «Вы это серьезно?» И – слово в слово повторяя давешний упрек Главному: «Дрова! А почему не бюро ритуальных услуг?» Журналисты принялись было оправдываться, но капитан их перебил: «Как вы себе это представляете? Ну, чтобы я, лицо официальное, действовал как частное лицо? Или поехал с вами как частное лицо, но в случае чего действовал как лицо официальное? Ничего не понимаю. А реакция Рауля? Если это – водитель, мой старый знакомец, он же меня узнает! Или вы предлагаете мне затаиться где-нибудь поблизости? А если затаиться, в чем смысл? Откуда я буду знать, что происходит в этих самых „Дровах“? Через час или два догадаюсь о том, что вас убили? А если вас и в самом деле убьют? Не обижайтесь, но скажите: что я должен буду написать в отчете? Или я должен буду всё утаить?» Помолчал и снова слово в слово повторил давешний упрек Главному: «Хорошенькую свинью вы мне подложили!» (Hicisteis una grande marranada para mí). Еще немного помолчал и предложил: «Давайте так: звоните этому Раулю. Скажите ему, что я тоже буду. Если этот Рауль – тот Рауль, о котором мы думаем, он согласится. А если нет, то на нет и суда нет (а „no se puede“ ¿qué le vamos a hacer?) Да и если этот Рауль – тот Рауль, но все равно не согласится, это – его проблемы. Ни вы, ни я ему не няньки. Сам вляпался, пусть сам

¹⁶ Церковь и монастырь святого Доминика, построенные на фундаментах Кориқанчи – дворцового и храмового комплекса времен Тауантинсуйу, «империи инков».

и выбирается». Журналистам не очень понравилось предложение полицейского, но деваться было некуда. Кстати, примечательно то, что реакция полицейского *в целом* их не удивила. Их не удивило ни то, что полицейский даже не задумался о доносе, ни то, что предложил на Рауля плюнуть. В Перу понятие чести всегда ставится выше служебных обязанностей, чем бы это связанному словом человеку ни грозило. А предложение плюнуть – что ж: в глазах полицейского Рауль был всего лишь мелким преступником, занозой, трястись над которой – бессмыслица. Хочет Рауль избавиться от нависшей над ним опасности (если опасность над ним и впрямь нависла), пусть действует так, как ему говорят. Не хочет, пусть катится на все четыре стороны.

Один из журналистов набрал сохранившийся в памяти телефона номер. Ответили быстро. Ответил тот же мужчина, который звонил в редакцию. Этот мужчина, Рауль, тоже не пришел в восторг от изменившихся условий, но упрекать журналиста ни в чем не стал. Он, как и все – как главный редактор *El Diario Imperial*, как сами журналисты, как полицейский капитан – прекрасно понимал, что ситуация сложилась аховая: для всех. Практически безвыходная. Точнее, выход из которой зависел только от него самого. Подумав немного, он согласился: «Пусть приезжает. Только пусть переоденется. Пусть будет в гражданском, а не в форме!» Полицейский, услышав это, согласно кивнул. «Значит, договорились. Через час на складе. Я сам к вам подойду».

По пути на Эвитаменте заскочили к капитану домой, где тот быстро сменил форму на джинсы и куртку, заодно оставив дома и табельный пистолет. «Если их там целая банда, – пояснил капитан, – пистолет нам не поможет. А если Рауль один, оружие тем более ни к чему. По крайней мере, что бы ни случилось, никто не сможет упрекнуть меня в том, что я носился по городу с пистолетом как какой-нибудь оглашенный из голливудского боевика».

«Дрова» оказались складом, сохранившимся от того времени, когда Эвитаменте еще не была современным шоссе. С этого склада когда-то на самом деле продавали дрова, о чем свидетельствовали потрепанный рекламный щит перед входом на территорию и крупная, но выцветшая надпись на заборе. Ворота были прикрыты, но не закрыты. Ни перед ними, ни за ними не было ни души. На огороженной территории, уже за воротами, стоял здоровенный каркасный ангар: как всем сначала показалось, совершенно пустой. Но в действительности он не совсем пустовал. Вдоль стен валялись ящики, почерневшие от времени деревянные палеты, другой всевозможный хлам: коробки из-под овощей и фруктов, детали автомобилей – колесные диски, колеса в сборе, карданные валы, имелась даже целая рама от какого-то грузовика, но все это было старым, изношенным, ни на что не годным. А в дальнем от входа углу стоял погрузчик: на спущенных шинах и такого вида, что было ясно – он не на ходу. Рауль отсутствовал.

«Давайте спрячемся за погрузчик и там подождем», – предложил полицейский. «Давайте», – согласились журналисты. Но едва все они подошли к погрузчику, из-за него, шикая, выскочил молодой мужчина, на вид чуть ли не подросток: «Я же сказал, что сам к вам подойду!» – с обидой в голосе воскликнул он. «Это все-таки ты!» – тоже воскликнул капитан, только не с обидой, а немного удивленно: так, как если бы до конца не верил в возможность этого. «За вами никто не следил?» Журналисты и полицейский переглянулись. «А должны были?» «Вы не понимаете, – молодой человек вытянулся на цыпочках, стараясь заглянуть поверх стоявших перед ним, – это – страшные люди! Они вообще не люди!» «Что, – улыбнулся полицейский, – это тебе не в автобусах по карманам и сумочкам шарить?» «Вы не понимаете! – повторил молодой человек, а в его голосе снова появилась обида. – Не понимаете. Говорю же: это не люди (*no gentes*). *He ludi*. Они выглядят как люди, одеваются как люди, говорят как люди, но они – не люди!» «Так! – полицейский подошел к молодому человеку вплотную и подтолкнул его к погрузчику, на который тот, оказавшись к нему прижатым, был вынужден опереться. – Давай короче и яснее. Иначе мы развернемся и уйдем. А ты сам будешь разбираться со своими нелюдями (*gentes malvadas*). Надоело! Что за день такой? Вчера участок дотла сго-

рел, сегодня *эти*, – кивок на журналистов, – на голову свалились. Прямо сейчас ты со своими соплями. Будь мужчиной! Связался с подонками, не ной. А если уж ноешь, так хотя бы ной по делу! Ну?» Однако молодой человек упрямо повторил: «*Не люди*».

Полицейский отступил на шаг: «Всё, господа репортеры, я – пас. Если вам что-то и угрожает, это – быть заболтанными насмерть. У меня же есть дела поважнее». Повернулся к молодому человеку спиной и пошел было прочь, к выходу из ангара, но один из журналистов схватил его за рукав куртки: «Постойте! Вы просто не поняли друг друга. Рауль не жалуется на бандитов. Он говорит, что они вообще никакие не бандиты. Он говорит, что они – *не люди*. Не *нелюди*, не злодеи, а *не люди*. То есть существа не из нашего мира. Монстры».

Полицейский освободился от хватки журналиста, но снова повернулся к молодому человеку лицом: «Чего?» – спросил он. А Рауль закивал: «Да, да! Об этом я и говорю. Они выглядят как мы, но только выглядят. А на самом деле они... я не знаю, кто. Но точно не люди. Вы же помните Хесику? Ту, которая кости из музея в Лиме увела?» Полицейский и журналисты опять переглянулись. «Да помните, конечно, помните! Вот и в „Эль Ди“ сегодня о ней написали. Якобы вернулась она. Только она не возвращалась. Она и не исчезала никуда. Я еще раньше понял, что тот здоровяк – очень странный малый. А когда об отпечатках узнал, все встало на свои места. Но понял-то я еще раньше. А уж когда он куклу слепил и кровью на нее стал капать, я так решил: пойду и обо всем расскажу. Только когда я к вам пришел, он прямо у вас за спиной оказался. Я-то его видел, а вы – нет. Поэтому я и прикинулся, что просто заглянул своими успехами похвастаться. Позлить упрятавшего меня за решетку томбо¹⁷».

«Не я тебя упрятал, а суд», – возразил полицейский, но по его нахмуренному лицу было видно, что возразил он только для проформы, машинально, а на самом деле рассказ Рауля его заинтересовал. «Говоришь, он за спиной у меня стоял?» «Да, все время после того, как я в кабинет вошел». «То-то мне казалось, что мой затылок взглядом прожигают. А дальше?» «А дальше меня заставили следить, чтобы француз не сбежал. Отдали мне его машину. Иногда мы вместе ездили, а иногда...» «Постой-постой! О каком французе речь? О *том* французе?» «Да». «Но *этот* – не француз!» «Не француз», – согласился Рауль, чем окончательно всех запутал. Один из журналистов попытался внести ясность: «Тот, кого вы ограбили, не *тот* француз или вообще не француз?» «Вообще не француз», – ответил Рауль. Собрался с мыслями и добавил: «Никто не француз. Его просто так называют, потому что он во Франции часто бывал. Что он там делал, понятия не имею, а в конце концов, насколько я понял, он тамошним гражданином стал. Наверное, скрыться хотел, хотя это и глупо: разве так можно скрыться? Тем более что он и сам из них. Только не злой. Правда, я не знаю, злые ли эти, но то, что не добрые, точно».

«Но *этот* – не *тот*, – почти закричал капитан, схватившись (в прямом смысле) за голову. – Француз он или нет, он – не тот, не приятель Хесики, не тот покупатель, которого в Веласко Астете на контрабанде взяли! Не покупатель костей!» «Подождите-ка...» – Журналист. Журналист достал из кармана смартфон и принялся что-то искать в интернете. А когда нашел, показал полицейскому и Раулю: фотографию *того* «француза». Того, которого взяли вместе с Хесикой в международном аэропорту Куско при попытке вывезти украденные человеческие останки. Это была фотография из El Peruano, правительственной газеты, качеством она не отличалась, но изображенный на ней человек точно не был тем человеком, которого вчера ограбили на авениде де ла Cultura. Тем не менее, Рауль, увидев фотографию, сказал: «Он и есть». «Разве?» «А вы *вот так* посмотрите», – взял у журналиста смартфон, увеличил изображение и выделил правую часть лица: часть носа и губ. В таком изображении стала видна белесая полоса, шедшая от носа к губам, рассекавшая верхнюю губу и частично – нижнюю.

¹⁷ Tombo, полицейский.

«Ну, что скажете?» Тот журналист, который видел ограбленного собственными глазами, не сдержался: «¡Mierda!» – воскликнул он и посмотрел на полицейского. Тот подтвердил: «Точно такой же шрам». «Абсурд какой-то!» «Лицом не похож. Но шрам тот же. Разве у двух разных людей может быть настолько похожий шрам?» Рауль: «Я же говорю: *они* только похожи на нас. Но они – не мы. Не такие как мы. Их внешность ничего не значит». «А шрам?» «Не знаю». «А я знаю! – впервые со времени приезда на склад вмешался главный редактор. – Я знаю, что это за шрам. Только вам... то есть нам... это не понравится. Точно такой же шрам я видел у мумии, найденной в прошлом году. Помните? В Боливии, около Тиуанако. Сначала решили, что это – одна из не уничтоженных ранее уак¹⁸ времен уже господства кечуа. Но чуть позже признали в ней наследие какой-то более ранней культуры. Какой именно, неизвестно до сих пор. Первый же генетический анализ показал, что останки не принадлежат ни кечуа, ни аймара, ни пукина. А радиоуглеродный анализ дал возраст в пределах тысячи лет. Что тоже странно, если учесть, что в это время на той территории никаких доселе неизвестных культур не было». «Как кости», – один из журналистов. «Да, сходство есть. И странностей не меньше. Так вот, у мумии – точно такой же шрам. Почему разрез идет от носа – непонятно, но с губами ясно: они были зашиты, причем только с одной стороны. С правой. Зашиты не после смерти человека, а при его жизни. Как и разрез от носа был сделан при жизни. Потом разрез зажил, но остался шрам. Сняли нити с губ, но на них тоже остался шрам. А потом человек умер, и его превратили в мумию. Захоронение, кстати, было довольно богатым, если за богатство считать всякую всячину вроде хороших ножей из обсидиана и непонятно для чего служивших каменных шариков: прекрасно отшлифованных до идеальной формы. А еще в захоронении были останки восьми других людей, но не мумии, а просто скелеты. Все – с ампутированными ногами. Прямо как в Сипане¹⁹. Только Сипан находится в двух с лишним тысячах километрах от Тиуанако. Но сходство налицо. Скорее всего, тем, кого положили в могилу с мумией, ноги ампутировали по той же причине: чтобы не убежали. В смысле, чтобы охраняли важного мертвеца и на том свете, а не вздумали с того света сбежать. Генетического родства, семейного, между мумией и «охраной» не выявили. А вот родство племенное – да. Расхождений по возрасту скелетов и мумии нет. Жаль, однако, что никому не пришло в голову сравнить данные генетических анализов мумии и тех скелетов, которые были украдены из Лимы Хесикой. Ну, ничего: завтра приедут следователи из Лимы, я их ошарашу! – Главный не очень весело усмехнулся. – Да, ошарашу. Но что нам делать *сейчас*? Будь я помоложе, я бы предложил выбросить весь этот вздор из головы и пойти выпить. Но только за последний год с нами случилось столько всего, что я и не знаю. Привидения, восставшие мертвецы, последняя исполнительница желаний – всё это уже было. Что на этот раз? А вы что скажете, *hombres*?» – Главный редактор посмотрел на своих журналистов. Один из них хотел что-то ответить, но тут – непередаваемо дико – вскрикнул Рауль. Он, хотя его к этому уже ничто не вынуждало, до сих пор опирался о погрузчик, но теперь отшатнулся от него, как ужаленный.

«Что случилось?» – капитан подхватил отшатнувшегося Рауля, удержав его на ногах: иначе тот упал бы. Рауль развернулся к погрузчику и показал на него пальцем: «Смотрите!» Посмотреть действительно было на что. Установленное над моторным отсеком погрузчика кресло мелко-мелко вибрировало, а из самого моторного отсека доносился характерный электрический звук. Зажглась фара. Но тускло, даже не вполсилы, а совсем слабо: как будто на нее

¹⁸ Waka, здесь – «священная вещь» или мумия – вместилище духа. Во времена Тауантинсуйу в такие уаки превращали умерших правителей. Но и более ранние культуры мумифицировали тела умерших: возможно, из таких же соображений. После вторжения испанцев все такие найденные уаки были уничтожены.

¹⁹ Город в провинции Чиклайо перуанского департамента Ламбайеке. В 1987 году здесь было обнаружено относящееся к культуре мочика захоронение человека, получившего от археологов титул сеньора (господина) де Сипан. Судя по всему, сеньор де Сипан (жил в III веке нашей эры) был правителем округа. В Перу его считают самым значительным правителем эпохи, предшествовавшей эпохе инков. Также его сравнивают с египетским Тутанхамоном: из-за необычного богатства и размаха гробницы.

подавалось слишком мало тока. Погрузчик дернулся, проехал меньше метра и остановился. Фара погасла. Шум из моторного отсека прекратился. Оживший было погрузчик снова был мертв. «Идемте-ка отсюда! – вполголоса предложил Главный и начал подталкивать на выход из ангара полицейского и вцепившегося в него Рауля. – Не спешите, не спешите... потихонечку!» Следом за полицейским, Раулем и Главным пошли, то и дело оглядываясь, журналисты. Один из них направил на погрузчик камеру смартфона и сделал несколько снимков. На это возмутительное святотатство погрузчик никак не отреагировал.

«Куда теперь? – спросил капитан, усаживая в машину Рауля. – Да не трясись ты так!» «Не знаю, – ответил Рауль, – нам нигде от них не спрятаться!» «Заткнись, я не тебя спрашиваю, – капитан, усадив Рауля, захлопнул за ним дверцу. – Куда?» «В редакцию! – ответил Главный. – Что бы ни происходило и кем бы ни были все эти... существа, в *моей* редакции они будут играть по моим правилам!» «Уверены?» «Еще бы! – Главный сунул руки в карманы своего красного пиджака. – У меня алькальды и губернаторы по струнке ходят (*andan derecho*), а это такие люди, до которых любому демону далеко. К тому же в моем кабинете есть чеснок». Капитан ошарашенно воззрился на Главного: «Чеснок?» «Ну да». «Зачем?» «Помогает от вампиров». Капитан моргнул и рассмеялся. Рассмеялся и Главный. Рассмеялись и журналисты. Только сидевший в машине за закрытой дверцей Рауль не смеялся. Он смотрел мимо стоявших около машины, куда-то за их спины, и его лицо кривилось от ужаса. Он попытался привлечь внимание полицейского и журналистов, заколотил в окошко, но на него никто не обратил внимания. А потом полицейский, Главный и журналисты тоже сели в машину, и все поехали в редакцию *El Diario Imperial*.

Дождь, начавшийся еще утром, ничуть не стих. Капитан вел быстро, но осторожно: летевшая из-под колес попутных машин водяная пыль заливала лобовое стекло, дворники не успевали с ней справляться. Хуже того: они размазывали ее по стеклу, словно та была какой-то липкой эмульсией. Возможно, так оно и было. Возможно, дождевая вода смешивалась с какими-то ингредиентами асфальта и превращалась в форменное безобразие. Московским водителям нечто подобное знакомо, особенно зимой, когда московские дороги заливают «соплями Лужкова», перешедшими по наследству к Собянину и превратившимися в сопли этого мэра. Только в Куско была не зима: уже началось лето, бортовой компьютер в машине показывал, что на улице – восемнадцать градусов выше нуля. В общем, капитан осторожничал, чего нельзя сказать о водителях маршрутных автобусов. Эти неслись и вкривь, и вкось, и прямо, и поперек... во всяком случае, при взгляде на них складывалось именно такое впечатление. Нет, нельзя утверждать, что в Куско – какое-то особенно хаотичное движение. Движение в Москве, если к нему не привыкнуть, вгоняет в куда больший ступор. Но в том, что касается пассажирского транспорта, Куско кладет Москву на обе лопатки. Хотя и в Москве изменения к лучшему произошли совсем недавно. Чтобы представить, как пассажирский транспорт ведет себя на улицах перуанских городов, москвичу достаточно вспомнить, как вели себя без меры расплодившиеся «маршрутки», сдаваемые в посуточную аренду или управляемые людьми, обязанными делать выручку не меньше определенного размера. Косканские «маршрутки» делятся на две категории: принадлежащие компаниям (*empresas de transporte de pasajeros*) и частникам. Но кому бы они ни принадлежали, их объединяет несколько общих черт: не первой свежести год выпуска (в Перу есть ограничение по возрасту автобусов, используемых для пассажирских перевозок, но это – тридцать лет: запредельно много для машины, которую гоняют и в хвост, и в гриву), нерегулярное техническое обслуживание «эконом-класса» и невысокая доходность. Согласно заказанному городскими властями исследованию, автобус на двадцать – двадцать с небольшим мест ежемесячно приносит чистыми от двух до четырех тысяч солей, то есть от шестисот до тысячи двухсот долларов. Это очень мало. Но даже за такими деньгами нужно еще «погоняться». Вот и гоняют.

Уже ближе к центру города общее внимание привлек совсем уж ошалевший автобус. Он гнал так, словно перевозил не пассажиров, а бомберос, спешивших на пожар. Впереди него образовался просвет, он еще добавил газу, но уже через пару секунд был вынужден от тормозиться в пол перед железнодорожным переездом. В принципе, можно было и не тормозить: поезда по этой ветке давно не ходят. Она упирается в Эстасьон Уанчах, с которой раньше отправлялись пассажирские поезда на Мачу Пикчу Пуэбло и грузовые – в том же направлении, но дальше – к Сентраль Идроэлектрика. Однако теперь и пассажиров, и грузы возят из Пороя, а Эстасьон Уанчах превратилась в почти заброшенный комплекс из небольшого вокзала и путей-отстойников. Новый план развития Куско предусматривает его застройку жилой и коммерческой недвижимостью, но пока еще ничего не сделано: владельцы железной дороги сопротивляются. Мотивируют свое сопротивление тем, что собираются развивать новые направления, для чего планируют закупить и новые подвижные составы. Например, направление на Пуно, куда, как обещают, уже с апреля 2017 года начнет ходить роскошный туристический поезд «Andean Explorer» компании Перу Рэйл. Если это и впрямь случится, и если отправной точкой снова станет Эстасьон Уанчах, тогда на выезд из города «Andean Explorer» действительно пойдет по этому пути. Тогда-то и нужно будет тормозить перед железнодорожным переездом. А покамест никакой нужды в торможении нет. И все же водитель автобуса ударил по тормозам. На скользкой дороге автобус «повело», он опасно накренился сначала на один бок, потом на другой, а в итоге набок и опрокинулся, причем улегся поперек дороги так, что ни проехать, ни пройти. Капитан выругался, тоже затормозил и выскочил из машины – на помощь. Следом за ним из машины повыскакивали и журналисты с Главным.

К счастью, оказалось, что пассажиров в автобусе нет. Только водитель и кондуктор. Оба отделались испугом и царапинами. Оба, выбравшись из автобуса, на чем свет материли погоду и городские власти. Видите ли, власти могли бы и предупредить о таком потоке. А то что это в самом деле: обещали небольшие осадки с утра и облачность без осадков после полудня, тогда как извольте сами видеть – льет без передышки. Капитан принялся и понял, что оба – водитель и кондуктор – пьяны. Их следовало бы задержать, тем более что в Перу ответственность за это нарушение нешуточная, но обстоятельства не позволяли. Нужно было везти Рауля в редакцию, а для этого – сделать немалый крюк: объехать автобус, заблокировавший переезд, было невозможно.

Злые и промокшие, журналисты и капитан вернулись к машине. А там обнаружили, что Рауль исчез. Впрочем, как тут же выяснилось, «исчез» – не совсем точное определение. Он действительно исчез из салона, но зато нашелся в багажнике. Он забрался в него, но крышу до конца не закрыл: лежал, скрючившись, и поглядывал через щелку. «Какого черта ты туда залез?» – закричал вконец остервеневший капитан. Однако на лице Рауля был написан такой ужас, что капитан поневоле смягчился: «Что случилось?» – спросил он. И добавил: «Вылезай. Ничего страшного не происходит». Рауль, поддерживаемый парочкой журналистов, из багажника выбрался, но тут же почти заплакал. «Посмотрите, – сказал он, не плача только потому, что жмурился от страха, – посмотрите!» Он тыкал пальцем в сторону валявшегося на боку автобуса.

Капитан и журналисты обернулись и оторопели: автобуса на переезде не было. А вот парочка – водитель и кондуктор – продолжала стоять под льющим дождем. Эта парочка, стоя на потускневшем от заброшенности рельсе, держалась за руки и ритмично покачивалась из стороны в сторону. Только не потому, что оба – водитель и кондуктор – были пьяны, а потому что водитель и кондуктор выполняли какой-то ритуал. Они как будто танцевали: двигаясь телами, но с неподвижными ногами. Будь они пьяными, им бы ни за что не удержаться на мокром и скользком рельсе. Но они удерживались на нем, да так ловко, что не верилось глазам. Глаза обоих – водителя и кондуктора – были прикрыты, но не закрыты. Эти глаза смотрели на полицейского, журналистов и Рауля, и было в них что-то, от чего мурашки бежали по спине.

Капитан, увидев все это, машинально схватился за кобуру, но кобура с пистолетом осталась дома! Тогда он подхватил Рауля, буквально протащил его, упировавшегося, от багажника к задней дверце автомобиля и силой запихнул в салон. В это же время Главный вскочил за руль. Капитан и два журналиста забились в машину, кто как сумел. Главный включил передачу и нажал на газ. Увы, машина не была полицейской. Это был собственный автомобиль капитана – «Фокус» с обычным для Перу (и единственным) двухлитровым атмосферным мотором, малопригодным для горной местности. На высоте в три с половиной километра жадному до воздуха мотору отчаянно не хватало кислорода, из заявленных ста шестидесяти семи лошадей он, дай бог, выдавал лишь сотню. Маленький по современным меркам крутящий момент, да еще и взбирающийся пиком к высоким оборотам, не был способен тронуть машину с места в карьер. К тому же мотор изрядно поизносился и даже в паре с механической, а не автоматической коробкой передач не проявлял расторопности в откликах на педаль газа. Плюс – несуразно высокая масса и пять человек на борту. «Да вперед же!» – выкрикнул с заднего сиденья капитан. «Пытаюсь!» – ответил Главный. Но мотор ревел, а машина еле ползла к переезду. Позже и Главный, и капитан отрицали, что хотели задавить стоявших на рельсе и «танцевавших» на нем существ. Но даже если у них и было такое намерение, осуществить его на полудохлом «Фокусе» не удалось. Как только это видавшее виды корыто приблизилось к переезду, «водитель» и «кондуктор» легко отошли в сторону. Они даже помахали вслед, что Главный, глядя в зеркало заднего вида, и констатировал с невеселой усмешкой: «Вот гады!» Больше до самой редакции ничего не случилось.

Остававшиеся в редакции члены коллектива *El Diario Imperial* встретили вернувшихся, Главного, капитана и Рауля множеством вопросов, но больше всего их, разумеется, интересовал Рауль. Кто он? Как ухитрился связаться с опасными бандитами, ведь сам-то он лишь мелкий воришка? Почему ему так интересовало, погибла или нет во время пожара странная кукла из глины? Но Главный потребовал, чтобы все уgomонились: не время и не место, мол, перебивать друг друга. И вообще: неизвестно еще, есть ли у нас это время. Уж очень быстро начали развиваться события. Правда... – Главный и сам замолчал вслед за умолкнувшими членами коллектива. «Правда, – что-то прикинув в голове, – продолжил он, *всё это* кажется мне каким-то... не странным даже, а наигранным. Сплошное циркачество. Никакой драмы. Никакого пафоса. Смех, да и только. Словно нас водят за нос, но водят не с целью провести, не с целью запутать или запугать, а с целью... даже не знаю какой. Как будто мы – дети, а взрослые дают нам представление. Получается не очень забавно, но все же смешно. Судите сами. Этот погрузчик. В ангаре. Неужели ничего не напоминает? Да ведь это кино! Штамп. Банальность. Из второсортного фильма ужасов. Или автобус на переезде. Ну же! Вспоминайте!»

«Не может быть! – один из журналистов бросился к шкафу, порывшись в нем и вытащил на свет божий старый номер *El Diario Imperial*. Разворошил страницы, выбрал одну, другие бросил на пол, а эту развернул перед собой как транспарант на манифестации. – Смотрите!» На половине газетного листа (тот день для *El Diario Imperial* выдался скучным, новостей не хватало, ничего интересного ни в Городе, ни в регионе не происходило) – на половине листа, просто чтобы заполнить пространство, красовалась фотография. Лежащий на боку пассажирский автобус. Как раз на железнодорожном переезде. Журналист, убедившись в том, что фотографию рассмотрели все, перевернул страницу фотографией к себе и прочитал набранный под нею текст: «*Ayer en la tarde, un bus de la empresa de transporte urbano se despistó y cayó hacia un costado de la vía. En la unidad se hallaban el chofer y el cobrador. Felizmente no resultaron mayormente afectados a consecuencia del hecho. De acuerdo a la versión de los vecinos la unidad vehicular de placa de rodaje X3B – 606 se desplazaba a alta velocidad, y cuando el chofer intentó*

frenar para sobrepasar la ferrovía ubicada en la zona le ganó el peso de la unidad a consecuencia también que la vía estaba húmeda por la intensa precipitación pluvial que se registraba a esa hora».²⁰

«А это кривляние на рельсах? А эта кукла, словно нарочно оставленная в багажнике? Если она представляет собой такую ценность для наших милых незнакомцев, почему же они ее бросили вместе с машиной?» «Да, – возразил капитан, – но пожар! Пожар в участке! Это уже не шутки». «А вы уверены, что пожар – дело их рук? Кто припарковал возле участка дурацкую камьонету, набитую пиротехникой? Может, тот же самый человек, высунувшись из окошка, бросил непотушенный окурок, и тот угодил прямиком в кузов! Скажете, такого не может быть?» На это капитан возражать не стал, но напомнил о погасшем свете: «Если его выключили не вы и не они, то кто и зачем?»

Главный не успел ответить: его, хихикнув, опередил один из журналистов. Этот тоже подошел к шкафу, порывшись в нем и достал из него номер *El Diario Imperial*. Только не такой старый, как с фотографией автобуса, а всего-то четырехдневной давности. Протянул газету капитану и уточнил: «Где-то ближе к концу». Капитан взял газету и, едва начав листать ее с конца, ошалело воззрился на крупно набранную заметку: «COMUNICADO. Electro Sur Este, comunica a sus señores clientes a al público en general, que para garantizar y optimizar el suministro de energía eléctrica, se suspenderá el servicio eléctrico para realizar trabajos de expansión, reforzamiento y renovación de las instalaciones eléctricas; en los lugares, días y horarios siguientes...»²¹ Дальше шел перечень улиц и часов. Авенида де ла Cultura, та ее часть, где находился сгоревший полицейский участок, в списке имелась. Совпадало и время: указанное в сообщении и то, когда в участке погас свет. «Вот так», – журналист снова хихикнул. А капитан скомкал газету и швырнул ее на пол: туда же, где уже валялась предыдущая газета.

«Думаю, – Главный, – всё так и было: сначала погас свет, а потом из окна на втором этаже высунулся курильщик и бросил окурок. Окурок попал в камьонету, и пошло-поехало. Обычное головотяпство. Бывает. Как говорил Шерлок Холмс...» «К черту вашего Шерлока Холмса! Что вообще происходит?» «А вот это, – ответил Главный, – мы сейчас и попытаемся выяснить». Повернулся к Раулю и потребовал: «Сядь на стул и рассказывай по порядку. Начни с того, как ты ухитрился связаться с этими... не людьми». Рауль сел. Вкратце он рассказал вот что.

Когда автомастерскую – его прежнее место работы – закрыли из-за многочисленных жалоб, он, Рауль, вовсе не был в таком уж восторге от того, что тут же смог устроиться в другую. Он был неплохим механиком, автомобилями увлекался с детства, но работать не любил. Деньги любил, но работать – нет. Ему казалось, что на любой работе платят слишком мало. Отчасти это было правдой: как механик, он зарабатывал всего-то полторы тысячи солей в месяц, что было курам на смех для человека, вынужденного арендовать жилье и любящего бывать на дискотеках. В общем, обычная история человека, чьи потребности оказались намного выше возможностей и перед которым встал выбор: либо умерить потребности, либо найти какой-то другой источник доходов.

Сначала родилась идея попробовать с наркотиками. Для Куско, да и вообще для Перу, ничего нового: марихуана и хлоргидрат кокаина²² (*clorhidrato de cocaína*), расфасованные в пакетики – типичный набор любого начинающего на безрыбье кабальеро. Да, бизнес нелегальный, но вызывающий меньшее отторжение, чем, например, те же кражи. Возможно, ска-

²⁰ «Вчера во второй половине дня автобус компании, осуществляющей городские пассажирские перевозки, потерял управление и упал с дороги набок. В автобусе находились шофер и кондуктор. К счастью, происшествие не привело к серьезным последствиям. Согласно свидетельствам очевидцев, автобус с номерным знаком ХЗВ – 606 двигался с высокой скоростью, и когда шофер попытался затормозить, чтобы пересечь железнодорожный переезд, он не совладал с тяжелой машиной, в том числе и по причине того, что дорога была влажной из-за наблюдавшихся в этот час интенсивных осадков».

²¹ «Сообщение. „Электро Сур Эстэ“ доводит до сведения своих господ клиентов и до широкой общественности в целом, что в целях обеспечения и оптимизации энергоснабжения приостанавливает обслуживание по следующим адресам и в следующие часы из-за проведения работ по расширению, увеличению мощности и реконструкции электроподстанций...»

²² Гидрохлорид кокаина, очищенный кокаин высшего качества.

зывается генетическая память о тех временах, когда кока для народов Анд была панацеей от всего, а за кражи убивали. А может, дело в том, что кока сама по себе и ныне в Андах не воспринимается как что-то, для человека противоестественное. Ее легально выращивают под контролем государства, а ее листья – конечно, не переработанные в «пасту»²³ и уж тем более в хлоргидрат – свободно продаются в любом магазинчике как чайные смеси. С незаконными посадками государство борется, но для многих крестьянских общин кока – единственная возможность выжить без поддержки со стороны того же государства. Ведь будет поддержка или нет – бабушка надвое сказала, а если и будет – еще вопрос какая. Кушать же хочется каждый день. Государственные инициативы – перейти с выращивания коки на выращивание кофе или, скажем, какао – не всегда находят понимание даже несмотря на то, что государство раздало немало земель под организацию небольших плантаций кофе и какао и бесплатно выделяет саженцы для посадки вместо коки. Трудоемкость процессов различна. Требования к акклиматизации – тоже. Наконец, рыночная нестабильность: кока всегда имеет спрос, цены на нее предсказуемы; кофе и какао скачут вверх-вниз без всякой логики. Но как бы там ни было – гены или какая-то иная реальность, – к мелким торговцам традиционными для Анд наркотиками общественность и в самом деле испытывает меньшую неприязнь, чем к обыкновенным ворами. Это страшно, но это – факт. Вот и Рауль соблазнился. Нашел «подпольного» плантатора, стал брать у него мелкие партии высушенных листьев марихуаны и принялся толкать их на улицах Имперского Города. Пришлось, конечно, похлопотать перед серьезными людьми – рынок-то не пустует, – но, как ему казалось, это стоило того. Казалось ровно до тех пор, пока его не взяли с поличным переодетые в штатское служащие «Зеленого Эскадрона». Раулю еще повезло: у него на руках оставалось только два пакетика. Подлови его утром, пакетиков было бы куда как больше. Однако страху он натерпелся. Но не настолько, чтобы, чудом оставшись на свободе, задуматься о том, как бы поумерить собственный аппетит. Нет. Он просто решил заняться чем-нибудь менее рискованным. Таким, чтобы можно было не бояться агентов в штатском. Так и родилась вторая идея – кражи в общественном транспорте.

Тоже ничего необычного и очень предсказуемо: типичный для неудачника путь вниз. Шажок за шажком. По-настоящему решительные люди мелким воровством в Перу не промышляют. Если в России карманники считаются воровской элитой, то в Перу они – презируемое отребье. В карманники идут трусы и люди совсем уж без фантазии. Те же, у кого на плечах – голова, а не картофель, занимаются технологичными кражами: манипуляциями с кредитками и всякой подобной всячиной. А те, у кого мозгов не хватает, зато в избытке храбрости, подаются в бандиты. Эти совершают налеты на респектабельные офисы, отели, приличные магазины. Останавливают автобусы «интерпровинсьяль» и грабят пассажиров. Нападают на таксистов. А так как Перу – не только Анды, но еще и сельва с ее многочисленными судоходными реками – притоками Амазонки, существует и такая разновидность грабителей, как речные пираты. Их добыча – круизные теплоходы и суда, перевозящие вечную для Амазонки ценность: топливо. Иногда, бывает, грабят и катера, доставляющие в отдаленные районы заработную плату и пенсии. Только не подумайте, что грабеж и разбой в Перу имеют какие-то невиданные масштабы. Конечно же нет. Просто местные СМИ не стесняются о них писать и пишут – со всеми, иногда очень примечательными, подробностями. Каждый день.

Но Раулю путь в бандиты был заказан: для этого у него не хватало смелости. Значит – кражи. Но и в этой «профессии» ему не повезло. Не успел он «проработать» и нескольких дней, как был пойман, и опять с поличным, в одной из «маршруток». Судья оказался тем же самым, что и в первый раз, и на процессе постоянно смеялся. Правда, сам процесс занял всего несколько минут. Однако и этих нескольких минут Раулю хватило, чтобы в полной мере

²³ Основа и сырье для получения гидрохлорида кокаина, сравнительно недорогой «продукт», использующийся в том числе и как самостоятельный наркотик.

ощутить свое ничтожество. Судья не стеснялся в выражениях. Обычно так не происходит, но случай был уж очень из разряда смешных. В первый раз Рауля взяли на улице Прокуроров, а из автобуса вывели около Эстасьон Уанчах, что в переводе со смеси испанского с кечуа означает «Лягушачья остановка»²⁴. Да, Раулю было далеко до прыткости лягушек! Но нет худа без добра: судья развеселился так, что просто не смог покарать воришку по всей строгости закона. Он дал ему самый минимум, если учесть, что Рауль уже привлекался, причем по весьма тяжелой статье – распространение наркотиков. А потом все резко изменилось.

Отсидев положенное, Рауль действительно на удивление легко устроился на свою прежнюю легальную работу: в автомастерскую. Но объяснялось это не его талантом автомеханика, а тем, что владелец автомастерской наконец-то разглядел в нем потенциал. Разумеется, не в ремонте автомобилей или, если угодно, не только в ремонте. Как и подозревала полиция, владелец мастерской промышлял ворованными запчастями. Бизнес у него и без какого-то Рауля был прекрасно налажен, но Рауль подвернулся очень кстати: владелец как раз раздумывал над тем, а что же, собственно, ему мешает не только продавать ворованные запчасти, но и устанавливать их на те автомобили, которые попадали к нему в ремонт? Зачем тратиться на легальные запчасти, если хватает «своих»? Ведь так и прибыль больше, и охват рынка глубже! Только одна проблема: не каждому механику можно доверять. Кто-то к работе с краденными деталями отнесется спокойно – за дополнительный сентимо. Но кто-то нет: сразу донесет. И тут – Рауль. Руки не кривые, попался на воровстве – кандидатура что надо. Владельца мастерской не смутила даже феноменальная неудачливость молодого человека. Он, владелец, решил, что раз уж Рауль не будет промышлять на улице, то ничего плохого и не случится.

Сам Рауль неожиданному предложению обрадовался. Он сразу же смекнул – трус да не дурак, – что это – палка о двух концах: владелец, доверившись Раулю, уже не смог бы требовать от него слишком усердной работы, а значит, Рауль имел бы практически то, к чему и стремился: не слишком обременительную работу за приличное вознаграждение. Потому что вознаграждение владелец автомастерской предложил действительно приличное: не поспешил.

Увы, райские деньки оказались столь же быстротечными, как и для Адама с Евой. Однажды под утро Рауль, возвращаясь с дискотеки, зачем-то решил заглянуть в мастерскую, а там (пьяный в дым или, как деликатно говорят в Перу, *en aparente estado de ebriedad*)²⁵ включил на полную громкость радиоприемники всех стоявших в ремонтной зоне автомобилей. Грохот получился тот еще. А так как мастерская находилась не в чистом поле, полицейский участок завалили жалобами. Немного преувеличенными, да. Жильцы соседних домов не постеснялись завить, что такое происходит чуть ли не каждую ночь, что было неправдой. Но полиция вдаваться в детали не стала: во-первых, у нее появился шанс прикрыть давно подозрительную ей мастерскую, а во-вторых, присутствие в ней судимого вора развязало ей руки. Мастерскую закрыли. Вот тебе и «ничего не случится, если Рауль не будет промышлять на улице»!

То, что Рауль устроился на новую работу в тот же день, – не совсем так. На самом деле на новую работу (а куда деваться?) он устроился только через три дня. Причем его не обрадовало ни то, что на работу он все-таки устроился, ни то, что на новой работе его заработок сильно упал. Ведь аппетиты остались прежними, работать по-настоящему не хотелось, а ворованными запчастями на новом месте не промышляли. И вот тут-то Раулю, наконец, фантастически повезло. По крайней мере он так решил, когда на него свалилось неожиданное предложение. А свалилось оно так.

²⁴ Estación (остановка) и wancha (лягушка). Wanchaq (или wanchoq) – «из семейства лягушачьих, подобный лягушке».

²⁵ «В заметном состоянии алкогольного опьянения».

В обеденный перерыв Рауль вышел из мастерской, чтобы перекусить, уселся за столик небольшого кафе – по соседству и с precios bajos²⁶ – пригубил стакан с гасеосой²⁷ (жажда его мучила еще с утра: после бурной ночи на дискотеке) и с печалью во взоре уставился на жалкое подобие ребрышек в не менее жалком подобии подливы на странного цвета и вида тарелке: почему-то зеленой и с нарисованными желтой краской цветочками. Сочетание неаппетитных ребрышек, неаппетитной подливы, зеленой тарелки и желтых цветочков было чудовищным и вгоняло в тоску. Но не успел Рауль по-настоящему расстроиться, как за его столик подсел незнакомого вида мужик: здоровенный настолько, что это казалось странным. В Андах-то люди преимущественно невысокие – не такие высокие, какими они бывают на побережье, если не приехали из тех же Анд. В Андах люди плотные, коренастые и невысокие. А подсевший к Раулю мужик был высоченным, мощным, но при этом в его чисто индейском лице не было ни намека на примесь европейской крови. Теперь Рауль уставился на него, но не с печалью, а с изумлением.

«Рауль?» – спросил удивительный незнакомец. «Да». «Заработать хочешь?» «Сколько?» – вырвалось из Рауля прежде, чем он успел подумать. «Пять тысяч долларов (cinco lucas gringas)», – ответил незнакомец. Нижняя челюсть Рауля отпала от верхней: пять тысяч долларов – его годовой оклад в нынешней мастерской! Но сама эта цифра – невозможная, несуразная, слишком красивая – тут же насторожила. Рауль – трус, но не дурак! – сообразил: такие предложения не делают первому встречному за столиком в непрезентабельном кафе. Он внимательнее посмотрел на странного верзилу, думая по его лицу понять, в чем подвох, но в лице верзилы не было ничего издевательского. «Просто скажи, „да“ или „нет“». «А что нужно делать?» «Вести машину во время ограбления».

У Рауля перехватило дыхание: в точном соответствии с жанром. Вести машину? Ограбление? Как в кино? Здорово! Но... Рауль спустился с небес на землю: какой из него грабитель? Он же трус! Да, в отличие от многих других, Рауль честно себе признавался: он – трус. Не искал себе оправданий. Какое ограбление? Пальба, насилие, погони – это всё не для него. Поэтому он, спустившись с небес на землю, разумно предложение отверг: «Нет. В ограблениях я не участвую». Но загадочный, невозможный индеец не встал и не ушел. Он сердито – очень сердито – посмотрел на Рауля и сказал: «Не валяй дурака (no seas caído del palto)²⁸. Соглашайся».

Раулю стало очень неуютно. Но это – с одной стороны. А с другой, запредельно сердитый взгляд незнакомца затронул его за живое. Поднял из глубины его сердца протест. Будь Рауль русским, ему бы на ум пришла Достоевщина: «тварь я дрожащая или право имею?» Но и без Достоевщины его чувства всколыхнулись. Он импульсивно спросил: «Но почему я?» Загадочный незнакомец ответил загадкой: «Потому что». Рассердился еще больше, что вылилось в эмоционально сжатый кулак, опустившийся на стол рядом с зеленой тарелкой, и добавил: «Родственничек». Помолчал и еще добавил: «Будь оно все неладно».

Рауль заморгал: «Родственник?» «Забей. „да“ или „нет“?» Ничего не понимая и не контролируя себя, Рауль воскликнул: «Да!» Услышав это, менее сердитым верзила не стал, но его кулак все-таки разжался. «Тогда слушай. Завтра вот поэтому адресу встретишься с человеком: он передаст тебе ключи от машины. Возьмешь машину и немного покатаешься по городу: пообвыкнешь. А потом будешь следовать за тем же человеком, куда бы он ни пошел. Будет ходить пешком, будешь ходить пешком. Возьмет такси, езжай за ним на машине. Если он решит уехать из города – самолетом, автобусом: неважно, – сразу сообщишь мне. Вот тебе телефон. Пока все понятно?» Рауль по-прежнему ничего не понимал, но согласно кивнул. «Хорошо. Видишь, ничего сложного. А когда будем грабить, ты будешь вести машину». «Но кого вы... мы будем

²⁶ Низкие цены.

²⁷ Газированная вода.

²⁸ Буквально – «не будь свалившимся с авокадо». В какой-то степени аналог нашего «с дуба рухнул?»

грабить?» Незнакомец чуть не сплюнул: «Дурак что ли? *Ego* и будем грабить». «Кого – его? – опешил Рауль. – *Ego*?» «Его, его, – подтвердил незнакомец. – Он выйдет из банка, а мы его прихватим. У него будет тридцать тысяч долларов. Пять – твои. Понял?» «Нет!» – на этот раз искренне воскликнул Рауль. «Ну, не понял, и черт с тобой, – сказал на это незнакомец. – Тебе и не нужно ничего понимать. Главное, делай, что я говорю, и все будет хорошо. Это-то ты понял?» «Д-дааа», – протянул Рауль, и сам не зная зачем. «Значит, договорились».

Незнакомец (а верзила так и не представился) встал из-за столика и направился к выходу из кафе. Но в дверях остановился, немного постоял, развернулся и снова подошел к Раулю. Чуть-чуть наклонился к нему – чтобы не кричать с высоты своего невозможного роста – и небрежно бросил: «Еще одно. Завтра, после того как возьмешь машину и покатаешься по городу, заедешь ко мне: это недалеко. Сдашь кровь». «Какую кровь?!» «Свою, дубина стеросовая!»

Рауль не поверил своим ушам. Захотел вскочить, захотел немедленно от всего отказаться, но незнакомец одной рукой удержал его на месте, а другой достал из кармана куртки невесть сколько смятых в комок двухсотенных купюр и бросил их на столик: «Это тебе на ближайшее время. Потратишь, скажешь: добавлю. И вот еще что: на работу больше не ходи. Ни к чему. Поешь, сходишь туда в последний раз и уволишься». «Но...» Однако незнакомец это «но» проигнорировал. Он отпустил плечо Рауля и, больше ничего не сказав, снова направился к выходу. А там, не задержавшись в дверях ни на секунду, шагнул на улицу и пропал. Раулю даже показалось, что он и в самом деле пропал: исчез, мгновенно растворился в воздухе. Но, конечно, такого быть не могло, поэтому Рауль решил, что незнакомец, одетый в серое, просто слился с серым фоном пасмурного дня. Взял скомканные купюры, расправил их и пересчитал: тринадцать. Две тысячи шестьсот солей. Неплохо! На ближайшие-то дни! Правда, зачем-то нужно сдать кровь...

Сидя в редакции *El Diario Imperial*, Рауль признался: у него мелькнула мысль попросту сбежать с деньгами, но он ее сразу же отверг. Куда бежать-то? Две тысячи шестьсот солей – сумма, конечно, хорошая²⁹, но это если на несколько дней. А дальше? Как долго можно бегать с такими деньгами? А главное, зачем? Вроде бы, если не считать сдачи крови, ничего совсем уж экстраординарного или опасного от него не требовали. За кем-то последить на его же собственной машине, а потом в машине же подождать, пока его ограбят. И там же, в редакции *El Diario Imperial*, Рауль признал, что, несмотря на все эти утешительные для самого себя размышления, ему по-прежнему было не по себе. А тут еще и купюры по двести солей, с каждой из которых на него с укоризной смотрела святая Роза Лимская³⁰. Может, это знак? Может, это как с улицей Прокуроров и Лягушачьей остановкой? Или нет? Однако две тысячи шестьсот солей – это две тысячи шестьсот солей, даже если с них на тебя с укоризной смотрит покровительница полиции. Рауль сунул деньги в карман, вышел из кафе и приступил к исполнению своих новых «обязанностей». То есть зашел в мастерскую, объявил о своем увольнении пожавшему плечами владельцу и отправился к себе, чтобы хорошенько надраться поразмышлять над завтрашним днем. А наутро он, как ему и было велено, встретился с довольно симпатичным, но тоже по-своему странным человеком, взял у него ключи и машину и начал «обвыкаться».

Доехал по авениде до центра, потолкался на его узких улочках, развернулся и поехал обратно. Точнее, не обратно, а домой к своему новому работодателю. Где встретил еще одного человека: тоже необычного, но по-другому. Если «работодатель» при своем индейском лице выделялся из толпы невозможным для андского индейца ростом, а владелец автомобиля и будущая жертва грабежа – приметным шрамом от носа к нижней губе и онемелостью правой

²⁹ Чуть меньше 800 долларов США.

³⁰ Santa Rosa de Lima (1586 – 1617), первая католическая святая – уроженка Латинской Америки. Покровительница столицы Перу Лимы, Вооруженных сил и Национальной полиции Перу. Изображена на лицевой стороне купюры в 200 солей.

части лица, то этот новый знакомец – причудливой хромотой. Он хромал на обе ноги разом. Казалось, каждый шаг давался ему с большим трудом, но при этом, как ни странно, передвигался он очень быстро.

Не успел Рауль войти, как именно «хромой», закрыв за ним дверь, стремительно перебежал в гостиную и там – Рауль еще только к ней подходил – плюхнулся в кожаное кресло и удобно в нем развалился. «Ну, – спросил „работодатель“, – все сделал?» «Да». «Как машина?» «В порядке». «А француз?» «Какой француз?» «Человек, у которого ты взял машину». «Да вроде нормально... а он что, и вправду француз?» «Нет, – по губам „работодателя“ скользнула ехидная усмешка, – он – твой двоюродный дедушка (tío abuelo). Разве твой двоюродный дедушка может быть французом?»

Ехидство не понравилось Раулю еще больше, чем давешняя сердитость верзилы. А тут еще и дикие слова о двоюродном деде. Рауль-то знал, что никаким двоюродным дедом «француз» (или как бы ни назвали того человека со шрамом и омертвевшей половиной лица) ему не приходилось. Его, Рауля, двоюродный дед мирно покоился на кладбище Сан Сальвадора – примерно в пятидесяти километрах от Куско.

«Двоюродный дедушка?» – переспросил Рауль, начав догадываться, что над ним издеваются. Но верзила, как и вчера, ответил просто: «Забей». А потом велел Раулю засучить рукав рубашки. Рауль подчинился. Верзила перетянул ему руку, вонзил... нет, если честно, то не вонзил, а на удивление – не многовато ли удивительного? – умело ввел в вену иглу и набрал кровь в шприц. «На сегодня свободен». Рауль – растерянный и не знающий, как на все это реагировать – пошел на выход. В дверях он обернулся и увидел картину, не менее странную, чем все то странное, что происходило с ним с вчерашнего полудня: «хромой» вскочил было с кресла, но не удержался на ногах и упал. Однако вместо того чтобы встать, он принялся перемещаться по гостиной на коленях. Так, на коленях, но быстро-быстро, он догнал Рауля и толкнул перед ним оказавшуюся незапертой входную дверь. Рауль вышел.

Потекли дни: однообразные, но нескучные. Рауль, действуя согласно полученным инструкциям, следил за тем человеком, который отдал ему свою машину. Бывало, следил на этой же машине. Бывало, ходил за ним пешком. А бывало и так, что, потеряв его из виду, принимался носиться по округе и даже пару раз был остановлен дорожной полицией. Но обошлось. В один из таких дней он и понял, что имеет дело не совсем с людьми, а точнее – совсем не с людьми. С монстрами, нацепившими на себя человеческий облик и только притворяющимися людьми. Это случилось в аэропорту.

До Веласко Астете Рауль «довел» «француза», следуя за его такси на его же машине, а там снова потерял из виду. Верзиле он позвонил еще раньше – предупредил, что они явно направляются в аэропорт, и тот пообещал немедленно прибыть на место. Только обещание верзила сдержал довольно специфически.

Веласко Астете находится прямо в черте Имперского Города, но въехать в него можно только с одной дороги. Звонил Рауль именно с нее, когда стало ясно, что такси заедет на стоянку, то есть ждать скорого прибытия верзилы не приходилось. Минут пятнадцать как минимум, если считать, что ехал верзила с авениды де ла Культура: вроде бы и недалеко, но через взлетную полосу к въезду на стоянку не перемахнешь. Однако верзила перемахнул. Рауль глазам своим не поверил, когда увидел его здоровенную фигуру около шлагбаума. Но поверить пришлось, потому что верзила, согнувшись над окошком водительской двери, обругал Рауля растяпой, добавил уже становившееся привычным «Ну и родственнички у меня!» и, велел Раулю парковаться, пешком пошел в здание аэропорта.

Свободных мест поближе к зданию не нашлось, пришлось поставить машину около забора. К счастью (только не повторяйте этого в Куско), аэропорт Веласко Астете совсем небольшой, и стоянка для транспорта ему соответствует. Поэтому много времени на то, чтобы догнать верзилу, не потребовалось. Вернее, не догнать, а присоединиться к нему в зале. А еще

вернее, не присоединиться, а обнаружить, как тот, выхватив «француза» из очереди к терминалу одной из авиакомпаний, поволок его восвояси. А если совсем точно, то стать свидетелем поразительного зрелища.

«Француз», даром что роста был обычного и телосложения не слишком сильного, легко выскользнул из «объятий» верзилы и в ту же секунду взлетел на эскалатор, спускающийся со второго этажа. Но так как эскалатор спускался, а не поднимался, поехал на нем прямоком в новые объятия верзилы, вставшего внизу и укоризненно качавшего головой. Очевидно, такая перспектива «француза» не очень устраивала, потому что он принялся быстро-быстро перебирать ногами. Настолько быстро, что эскалатор сначала притормозил, затем остановился, а после этого двинулся вверх! Как только это произошло – а это произошло, как бы трудно не было поверить, – верзила расхохотался и, раскинув руки, вцепился пальцами в движущиеся поручни. Эскалатор снова остановился. «Француз» еще энергичнее заработал ногами. Стала собираться толпа. Из нее послышалось неуверенное: «Что здесь происходит?» Рауль обернулся и увидел полицейского: тот стоял, хлопал глазами, открывал и закрывал рот и явно не знал, что делать. С одной стороны, нигде не сказано, что нельзя, стоя на эскалаторе, тормозить его, перебирая ногами. Оно и понятно: кому пришло бы в голову вводить такой запрет, если подобное и вообразить-то невозможно? Также нигде не сказано, что нельзя, вцепившись в поручни эскалатора, стремиться остановить его движение вспять. И это тоже понятно: даже китайцам, составляющим самые головоломные инструкции в мире, такое ни в каком кошмаре не приснится. Но с другой стороны, происходившее было несомненным и форменным безобразием! Однако было-то было, но делать-то что? Как призвать людей к порядку? Потребовать от них, чтобы они оставили эскалатор в покое? Вот полицейский и хлопал глазами, то открывая, то закрывая рот. Между тем, толпа разделилась на болельщиков. Одни подбадривали работавшего ногами «француза», другие – вцепившегося в поручни верзилу. Разумеется, и те, и другие были уверены, что всё это – цирковой трюк. Первым, к разочарованию болельщиков «француза», сдался именно он. Он перестал перебирать ногами. Эскалатор возобновил движение вниз. Те из толпы, которые болели за него, возмущенно закричали. Но «француз» на крики не обратил внимания. Он вытащил из кармана платок и отер им взмокший лоб. Положил платок обратно в карман. А затем перепорхнул на другой эскалатор – ведущий на второй этаж аэропорта. Обернулся и показал верзиле язык. Толпа, перестав возмущенно кричать, зааплодировала. Верзила же постоял секунду-другую и тоже побежал – наверх. Полицейский сбросил с себя обалдение и, крича «Стой! Стой!», побежал за ним. Рауль – за всей троицей. Зачем? Он и сам не понимал. Ближе к концу эскалатора «француз» снова проделал номер с перепархиванием: теперь он ехал вниз. Поравнявшись с верзилой, взбиравшимся вверх, он опять показал ему язык. А тот всплеснул своими длинными руками и воскликнул: «Да остановись же ты! Вот балбес!» Полицейский присоединился к этому пожеланию: «Стойте! Стойте оба!» Но «оба» и не подумали остановиться. Верзила тоже перемахнул на двигавшийся вниз эскалатор. «Француз» сбежал с последних ступенек и помчался к входным дверям. Верзила тоже ускорился. Рауль же (как и полицейский) был вынужден сначала по-человечески перейти с эскалатора на эскалатор и только потом броситься догонять своих странных знакомцев.

Догнал он их даже не на стоянке, а на автобусной остановке: за пределами аэропорта. Они стояли на этой остановке и вроде бы мирно беседовали. Только беседа была диковатой. Подошедший к ним и ни «французом», ни верзилой не отогнанный прочь, Рауль стал свидетелем такого диалога. Верзила: «Куда ты бежишь?» «Француз»: «Надоели вы мне. Покоя хочу». «Ты же знаешь, что у нас еще есть дело». «Француз»: «Плевать я хотел на *ваши* дела, – он голосом выделил это „ваши“. – Они *меня* не касаются!» Верзила: «Как это – не касаются? Без тебя мы кости не вернем. А куда же Чули без них?» «Француз»: «Плевать мне на Чули. Он меня предал». Верзила: «Но ты же знаешь: у него есть уважительная причина!» «Француз»: «У предательства не бывает уважительных причин. Пусть безногим остается!» «Нет!»

«Да!» «Нет!» «А я говорю – да!» Верзила: «Тогда мне снова придется тебя убить!» «Француз»: «Подумаешь! Тоже мне – напугал!» И тут оба – Раулю не показалось, он это видел собственными глазами – захихикали. Так, словно сказанное обоими было очень смешным, но вместе с тем и таким, над чем смеяться в голос вроде бы как не очень прилично. Нахихикавшись, они снова стали серьезными. Верзила: «Ты поступаешь очень нехорошо». «Француз»: «Я даю вам деньги. А от меня отстаньте». Верзила: «Ты не даешь. Мы их у тебя отнимаем». «Француз»: «Ну, отнимаете. Какая разница?» «Принципиальная!» «Чепуха. Так всегда было. Отнимать – традиция». «Да, но добровольное пожертвование эффективней!» «Ага. Как с Чули. Вот так предатели и появляются на свет. От мягкотелости добровольных дарителей». «Не городи вздор! Чули не предатель!» «Но меня-то он предал!» «Только после смерти!» «Фу ты, ну ты! – „француз“ аж затрясся от негодования. – На кой дьявол мне была его верность при жизни? Она мне после смерти была нужна!» «Значит, нет?» «Значит, нет». Оба замолчали.

Помолчали-помолчали, а потом повернулись к Раулю. «Француз» даже пальцем на него указал: «Слушай, – это он верзиле, а не Раулю, – у тебя же есть *он*. Зачем тебе я? Попробуй куклу». Верзила кивнул: «Куклу я, конечно, попробую, но видишь ли какое дело... – верзила тоже ткнул в Рауля пальцем, – он глуп как пробка и к тому же трус. Даже как-то неловко использовать его кровь. Скажу откровенно: иногда мне хочется свернуть ему шею. Какой позор! До чего докатилась семейка!» «М-да... – „француз“ деликатно кашлянул. – Беда!» Помолчал и спросил с надеждой в голосе: «А ты уверен? Может, тебе показалось?» Верзила вздохнул: «Какое там...» Еще раз вздохнул и рассказал «французу» историю походов Рауля. Точнее, несостоявшихся походов: о том, как его схватили на улице Прокуроров, а потом на Лягушачьей остановке. О том, как он побоялся пойти в грабители автобусов или в речные пираты. Откуда он только все это узнал? Будто в душу влез своими огромными ногами и хорошенько по ней потоптался! «Видишь?» – спросил, закончив рассказ, верзила. «Француз» же с укоризной посмотрел на Рауля, хотел что-то ему сказать, но вдруг быстро развернулся к обоим спиной – к верзиле и к Раулю – и вскочил в подошедший к остановке автобус. «Чего стоишь?! – рявкнул тогда верзила: на Рауля. – Не видишь, он снова смяться собирается? А ну за ним! Потом за машиной вернешься!»

Рауль был очень обижен, но подчинился. Тоже вскочил в автобус. Двери закрылись, автобус поехал, а верзила остался на остановке: как раз в тот момент, когда автобус тронулся, к нему (к верзиле то есть) подошел полицейский. Глядя в заднее стекло, Рауль увидел, что верзила спокойно достал из кармана бумажник, из бумажника – DNI³¹ и предъявил DNI полицейскому. Тот взял документ и принялся его рассматривать. Чуть ли не обнюхивать. Чем закончилась проверка, Рауль не узнал: автобус свернул, остановка скрылась из вида.

Тогда Рауль, сам не понимая, как на это решился, подергал за рукав «француза», а когда тот не очень-то вежливо спросил «Чего тебе?», задал вопрос: «О чем вы все говорите? Кто вы такие?» «Француз» прищурился. «Мальчик, – сказал он, – не расстраивай меня. На сегодня ты меня достаточно расстроил. Отойди в сторонку. Я – не злой человек, но могу и треснуть. Будет больно». Но Рауль не сдался: «Кто такой Чули?» Глаза «француза» снова распахнулись, а его самого передернуло: «Негодяй и подлец! – ответил он. – Вот кто такой Чули. Чтоб ему вечно на карачках ползать!» «Хромой!» – догадался Рауль. «Ну, – согласился „француз“, – можно и так сказать». «А зачем нужна моя кровь?» «Как – зачем? Для куклы». «Какой куклы?» «Француз» опять прищурился, и сквозь этот прищур полилось почти физически осязаемое злорадство: «Скоро узнаешь!» Очень неприятно хихикнул: совсем не так, как на остановке. Очень неприятно. И вдруг сам спросил: «Скажи, а ты правда такой трус?» Рауль покраснел: «Не знаю. То есть знаю. То есть нет...» «Да или нет?» «Да». «А ведь это здорово! – „француз“ перестал щуриться, но злорадство из его взгляда не ушло; его, пожалуй, стало еще больше. –

³¹ Documento Nacional de Identificación – аналог нашего паспорта, только сделанный в виде небольшой карточки.

Это я только что сообразил. Да! Это здорово. Большая удача! Нет, не большая: грандиозная! Чтобы в нашей семье объявился трус, такого еще не бывало, и тут на тебе! Представляю, каким будет эффект, когда кукла напьется твоей крови! Потрясающий будет эффект!»

«Француз» громко и весело засмеялся. На весь автобус. На него и Рауля начали оборачиваться. Но «француза» это не смутило. Отсмеявшись в свое удовольствие, он положил ладонь на голову Рауля и даже с какой-то особенной нежностью погладил его по волосам. «Мальчик мой, – сказал он, улыбаясь, – я больше на тебя не сержусь. Я понял: ты послан мне богами. Сам Инти тебя послал, вдохнув в тебя самое гадкое, что есть на этом свете: отвратительную, гнусную, позорную трусость! Ну, Чули, паршивец ты этакий! Ну, держись!»

Если бы можно было попятиться, Рауль бы попятился. Но пятиться в полном людей автобусе нельзя. «Да, – между тем, продолжал „француз“, поглаживая Рауля по голове, – фантастическая удача. Слушай, а может, тебе деньги нужны? Знаю я эту шайку: скупы до безобразия. У самих денег – куры не клюют, но вечно требуют, чтобы я раскошелливался. Помню, доставили мне дивным образом обработанные шарики. Теперь-то я знаю – вздор, дешевка, стекло, *quespe*³², – но тогда это казалось чудом. Огонь с неба касается песка и... впрочем, – самого себя перебил „француз“, – это неинтересно. Так что насчет денег? У меня есть. Да ты и сам знаешь. Сколько? Хочешь пять тысяч?» «Француз» выхватил из внутреннего кармана куртки бумажник, раскрыл, вытащил из него, не считая, пачку банкнот и протянул их Раулю. «Держи! Повеселись сегодня. Выпей за мое здоровье. Ну, и за свое не забудь!» И снова – веселый смех на весь автобус. А потом, так как Рауль протянутые деньги взять почему-то не решился, «француз» силком вложил эти деньги Раулю в ладонь и сжал ее в кулак: чтобы деньги из ладони не выпали. «Приехали!»

Рауль, ощущая себя словно во сне, только и успел что выскочить из автобуса вслед за «французом». Осмотрелся и обнаружил, что они – около дома, в котором «француз» и жил. «До встречи, племянничек!» – попрощался тот и скрылся за воротами. И только когда он скрылся, Рауль окончательно пришел в себя. Разжал ладонь и взглянул на скомканные купюры. Опять все по двести! Расправил их и пересчитал: двадцать пять штук, ровно, как и обещал «француз», пять тысяч солей. И с каждой из этих двадцати пяти купюр на него, Рауля, печально смотрела святая Роза Лимская. Однако печально или нет, но деньги были настоящими. Рауль сунул их в карман и улыбнулся: может, конечно, всё очень странно и непонятно, но своя прелесть в происходившем имелась – факт. Еще никто и никогда не давал Раулю столько денег всего за несколько дней и только за то, что он, Рауль, существовал на этом свете. А если кому-то нравится считать его, Рауля, своим племянником или еще каким-нибудь родственником, что ж: пусть считает. Мир очарователен своим разнообразием. Не будь в нем очудаченных на всю голову людей, кто бы стал швыряться деньгами?

Француз ушел, сбегать он вроде бы уже не собирался, нужно было возвращаться в аэропорт: за машиной. Пока туда-сюда, времени прошло немало, близился вечер. Рауль, нашаривая рукой в кармане деньги, начал подумывать о том, чтобы завалиться в какой-нибудь клуб, какую-нибудь, как принято говорить в Перу, дискотеку, где можно, имея деньги, очень приятно провести время. К тому же все буквально кричало о том, что эти пять тысяч – не последние. А ведь у Рауля оставалась еще и часть от тех двух тысяч шестисот, которые ему дал верзила! Да он богач! С такими деньжищами можно такой кутеж замутить!

Увы, но эти приятные размышления были прерваны не очень-то приятным звонком. Звонил, разумеется, верзила. Требовал, чтобы Рауль все бросил и немедленно явился: мол, дело есть. Спрашивать, какое дело, Рауль, перед верзилой откровенно тушевавшийся, не стал, но тот и сам объяснил без всякой деликатности: «Чули куклу слепил. „Француз“, конечно, та еще сволочь – да ты и сам уже это понял, – но в одном он прав: можно попробовать с куклой. Даже

³² Стекло (кечуа).

нужно. Так что давай, двигай сюда, нам снова твоя кровь нужна. Не поверишь, но *та* стухла. Шевелись!»

«Та» – это, понятно, та, которую Рауль уже сдавал. Как она могла «стухнуть», было непостижимо, но сама мысль о том, что его кровь стухла, очень напугала Рауля. К тому же он, до этого дня собственного мнения насчет «француза» не имевший, именно в тот день проникся к нему симпатией. Точнее, «француз» показался ему человечнее и более вменяемым: на фоне откровенно жуткого верзилы и отвратительного «хромого», какового «хромого», как выяснилось, еще и звали на собачий лад!³³ Или как последыша³⁴, что симпатий тоже не добавляло. Нет, ну в самом деле: разве это человеческое имя – Чули? И все же страх страхом, но деваться было некуда: пришлось ехать к верзиле.

Там повторилась процедура забора крови из вены, после чего Раулю показали куклу. Слепленную из глины и еще сырую. Омерзительную до оторопи. Увидев ее, Рауль похолодел, побледнел, его ноги мелко-мелко задрожали... в общем, с Раулем произошло все то, что и должно происходить в таких ситуациях: всё как по писаному.

Верзила, перелив кровь из шприца в ликерную рюмку, окунул в эту рюмку пальцы, а потом отряхнул их над куклой. Капельки крови упали на ее темечко. Как только это случилось, «хромой», стоявший там же, около стола, на котором стояла кукла, дернулся, схватился за живот и зарычал. Его лицо исказилось жуткой гримасой. Верзила посмотрел на него и почесал затылок. «Кажется, – сказал он, – что-то не так. Может, я заклинание не то произнес?» Еще раз окунул пальцы в рюмку и быстро-быстро заговорил.

На каком языке он говорил, Рауль не понял, но в этом языке определенно было что-то от кечуа. То и дело на слух попадались знакомые слова: *tullukuna, tullukuna, tullukuna...*³⁵ *ch'ankakuna, ch'ankakuna, ch'ankakuna...*³⁶ Однако знакомых слов было слишком мало, чтобы понять заклятие. Во всяком случае, Рауль не понял. Зато прекрасно понял, что на его глазах происходило нечто противоестественное и ужасное. Бедный Чули корчился. Его кожа приобрела жутковатый розовый оттенок. А потом на его руках и лице полопались капилляры, и его собственная кровь выступила на них мельчайшими капельками.

Верзила оборвал заклинание и выругался: «Акапауа!»³⁷ «Давай отложим!» – взмолился еле живой Чули. «Да, придется, – согласился верзила. – Что-то не так. Что именно, пока не пойму. С кровью мы не ошиблись, но кукла ведет себя странно. „Француза“ бы сюда! Он всегда лучше нас разбирался в этой чертовой черной магии!» Чули закивал: «Да-да-да! Он бы хоть на куклу посмотрел! Может, я ее неправильно слепил?»

Рауля осенило: так вот о чем говорил «француз»! Вот что его так насмешило! Вот что он предвидел, когда хохотал на весь автобус, представляя реакцию Чули на его, Рауля, кровь безнадежного труса! От этой догадки ему стало совсем нехорошо. Да что там – нехорошо: он перепугался до полусмерти, сообразив еще и то, что Чули и верзила, начав рассуждать логически, тоже обязательно сообразят – проблема не в кукле, проблема все-таки в крови! Поэтому, как-то разом перестав трястись, он сделал шаг прочь из гостиной, потом еще один, а потом, когда верзила и Чули недобро на него уставились, попытался оправдаться: «Я ведь вам больше не нужен... на сегодня. Я, наверное, пойду?»

Верзила и Чули переглянулись. «Ладно, иди, – ответил верзила. – Машину держи наготове: день ограбления близок». «Хорошо». «Ну, чего встал?» – Рауль и вправду замялся, не веря, что его настолько легко отпускают. – «Иди!» Рауль пошел. «Стой!» Рауль вздрогнул,

³³ Чули (chuli, кечуа) – пастушья собака.

³⁴ Другое значение «чули» – самый младший в семье, последний из детей.

³⁵ Кости, кости, кости...

³⁶ Ноги, ноги, ноги...

³⁷ «Обосра**ся!» (Буквально – человек, совершающий или только что совершивший акт дефекации; как и русские смысловые аналоги, в кечуа используется в качестве ругательства).

остановился и обернулся. Верзила, глядя на него, внезапно расплылся в нехорошей, явно притворной улыбке: «Подожди...» Достал из ящика стола бумажник, вынул из него деньги, смял их в комок и бросил комок Раулю: «Лови!» Рауль поймал. «Те-то у тебя наверняка уже закончились! Ну, иди, иди отсюда, отдыхай!»

Уже на улице Рауль расправил купюры: опять по двести! Пересчитал: десять штук. Две тысячи солей. И – святая Роза. Святая Роза опять с печальной укоризной смотрела на него с каждой из банкнот.

Еще через полчаса стемнело. Правда, когда стемнело, Рауль уже был на дискотеке. Модной и очень дорогой. Заказывал стакан за стаканом коктейль на основе писко и выпивал их в пару глотков. Как закончился вечер или прошла ночь, он не вспомнил даже в редакции *El Diario Imperial*: смущенно улыбаясь, пояснил, что очнулся только на следующее утро – мучаясь от дикого похмелья, но у себя в квартире. И даже, как ни странно, не обворованный: по карманам его джинсов была распахана еще целая куча денег. Куча денег была разбросана и на полу. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что все это – всё, что валялось на полу – мелочь: бумажки по десять солей и разнообразные монеты. Но главное, главное – рядом с кроватью стояла прекрасная на вид бутылка шампанского. О таком шампанском Рауль до сих пор и слыхом не слыхивал. Наверное, очень дорогое. Он поднял бутылку и, шурясь одновременно от очень неприятных ощущений и любопытства, посмотрел на этикетку. «Французское...»

Рауль вскочил: французское? Но в голове мутилось настолько, а телу было так плохо, что промелькнувшая было не очень приятная мысль улетучилась. Рауль откупорил бутылку, налил шампанское в первую же подвернувшуюся под руку кружку и сделал несколько глотков. «Кислятина», – подумал он. Сделал еще несколько глотков. «А может, не так уж и плохо...» Кружка опустела, а в теле и в голове образовалась приятная легкость. «Не знаю, кто и как притащил сюда эту бутылку, и *знать не хочу!* – Рауль, слегка поддатый, в шутку погрозил входной двери. – Но это просто класс! Дядюшка, где же ты был раньше?» Потом опустела и вся бутылка. А когда она опустела, на переборщившего со средством от похмелья Рауля снова напали тревожные мысли. Он посидел-посидел, встал, натянул, пошатываясь, на ноги кроссовки и, не зашнуровывая их, отправился в полицейский участок.

В полицейском участке Рауль хотел обо всем рассказать, но, как мы уже знаем, не вышло. Он только-только вошел в кабинет капитана, как за спиной капитана, за его креслом, появился верзила. Верзила смотрел на Рауля, грозил ему кулаком и корчил ему страшные рожи. Появлению верзилы Рауль уже и не удивился. Он удивился другому: откуда тот узнал о визите? Ведь он, Рауль, решение принял спонтанно! Но факт оставался фактом: даже спонтанное тайное стало явным. Пришлось молотить всякий вздор, по ходу чего лицо верзилы прояснилось. Он даже начал улыбаться. А когда капитан, которому надоело слушать бессмысленную болтовню Рауля, начал гнать молодого человека прочь, довольно рассмеялся. Смех, разумеется, услышал только Рауль: капитану он не предназначался.

На улице верзила материализовался и спросил: «Готов?» «Уже грабим?» – в свою очередь спросил Рауль, вздрогнув от отвращения и страха. «*Уже грабим!* – передразнил верзила. – Будь готов!» «Ладно», – ответил Рауль и, больше не глядя, следит за ним или нет явившееся из преисподней чудовище, отправился в ближайшую бodega³⁸. Там он накупил бутылок виски, рома и водки и вернулся к себе. А еще через день или два – он точно не помнил (пришлось журналистам и капитану его просветить) – снова позвонил верзила и приказал подать машину к половине четвертого после полудня.

Чувствовал себя Рауль отвратительно, но куда деваться? Выпил для храбрости и сделал так, как ему велели. В половине четвертого он, сидя за рулем, принял на борт автомобиля вер-

³⁸ Магазин, торгующий алкоголем.

зилу, усевшегося, как говорят в Перу, на место copilota³⁹, и Чули, севшего сзади. Перед тем как сесть в машину, Чули положил в багажник куклу. Насколько Рауль заметил, кукла была той же самой, но успела высохнуть и даже, похоже, была обожжена: она поблескивала характерными стеклянными отсветами. «Зачем она вам?» «Пусть „француз“ посмотрит». «Но мы же собираемся его ограбить. Когда он будет смотреть?» «После грабежа, понятно». «Как это?» «Мы встретимся на соседней улице». Вмешался верзила: «Трогай, хватит болтать!» «Странный грабеж, очень странный!» – пробормотал Рауль, но машину тронул. Поехали, но не очень далеко. Остановились на той же авениде де ла Культура. Прямо под запрещающим стоянку знаком. «Не суетись, мы на фиг полиции не нужны, – оборвал верзила протесты Рауля. – Ждем. „Француз“ скоро появится». Но дальше все пошло не так.

То есть «француз» -то действительно появился. Он даже посмотрел на припаркованный «Ярис» и подмигнул. Принялся ловить такси. Такси остановилось. Верзила выскочил из машины, подбежал к «французу», ограбил его и, вернувшись в машину, велел ехать до ближайшего поворота, свернуть и там остановиться: подождать «француза». Но Рауль, глядя в зеркало заднего вида воскликнул: «Ой!» Верзила и Чули обернулись и увидели, что к «французу» подбежал незнакомый человек, явно предложивший свою помощь. «¡Mierda! Гони! Гони! Этого нам еще не хватало! С «французом» позже встретимся!» Рауль, уже не думая сворачивать в переулок, погнал по авениде. «Черт!» – через пару минут воскликнул он. «Что еще?» «А ведь он нас сфотографировал!» «Тот идиот, который «француза» полез спасать?»

«Ну, спасибо!» – возмутился журналист.

«Но ведь это правда... Короче, я ответил, что да: тот самый идиот. – Рауль развел руками: мол, слово из песни не выкинешь. – А верзила сказал: „Сворачивай на Эвитамьенто. Там разберемся“. На Эвитамьенто мы решили бросить машину и разойтись по домам. То есть, конечно, верзила и Чули – к себе, а я к себе».

«А деньги?»

Рауль немного смутился. «Деньги? – переспросил он. – Вы имеете в виду деньги „француза“?» «Нет, – ехидно поправил оскорбленный „идиотом“ журналист, – я имею в виду те пять тысяч долларов, которые тебе обещали». «А, эти деньги... – Рауль смутился еще сильнее. – Ну...» «Тебе их дали!» «Дали», – признался Рауль. «Не обманули!» «Не обманули».

В голосе Рауля, в его интонациях появилось что-то очень подозрительное. Журналист хлопнул себя по коленкам и ткнул в Рауля пальцем: «Господа, господа, голову даю на отсечение: он получил не пять тысяч! Сколько же тебе дали на самом деле?» «Ну...» «Сколько?» Рауль вздохнул и признался: «Дали пять. Но я... как бы это сказать... в общем...» «Ну, говори!» «Когда мы бросили машину и решили разойтись по домам, я подумал: зачем им деньги „француза“? Только не подумайте ничего плохого. У них у самих денег столько, что это уму непостижимо! Зачем им какие-то тридцать тысяч долларов? Устроили комедию с этим ограблением. Зачем? Я так подумал. А может, не подумал. Может, уже потом подумал. Я не знаю. Мне было не по себе, страшно и плохо. К тому же верзила меня обозвал. Назвал алкоголиком. Пока мы ждали „француза“, он все принимался, а потом сказал, что я будто бы пьян и что я – не только презренный трус... он так и выразился: презренный трус! Но еще и алкоголик. А я в жизни алкоголиком не был. Да, выпил, признаюсь. Но ведь они сами виноваты! Запугали меня до смерти. Как тут не выпить? Я очень обиделся. А когда мы решили разойтись, я и подумал: вот с тридцатью lucas gringas можно и в бега податься. Мне бы хватило, чтобы уехать из Куско. Куда-нибудь. А там... ну... придумал бы что-нибудь. Ведь главное, денег бы хватило. На первое время. Это не пара тысяч и даже не пять. Солей. Даже не пять тысяч долларов. Это тридцать! Тысяч. Долларов...»

³⁹ Copiloto – передний пассажир.

Речь Рауля была сбивчивой, говорил он быстро, словно торопился излить из себя все, что в нем накопилось. «Так ты их украл!» – констатировал главный редактор. «Украл, – признался Рауль. – Это было несложно». «А почему не сбежал?» «Не успел». «Как это? У тебя куча времени была. Самолеты летают чуть ли не каждый час!» «Я не смог». «Почему?» «Меня выследили». «Кто?» «Они». «Кто конкретно „они“? „Француз“? Или те двое?» «Все трое». «Так-так-так...»

Главный редактор о чем-то задумался, а потом вдруг задал вопрос, но не Раулю, а всем, и этот вопрос ни денег, ни кражи не касался. «Послушайте, – воскликнул Главный, – а почему об *их* выходке в аэропорту ничего не было известно? Если там *такое* происходило, да еще и при свидетелях, да еще и при полиции... Почему об этом мы узнали только сейчас?»

Капитан ойкнул. «Минутку!» – бросил он и схватился за свой телефон. «Минутку!» – бросил один из журналистов, явно осененный какой-то идеей, и схватился за ноутбук. Рауль же вздохнул с облегчением: похоже, он решил, что вопрос денег и кражи закрыт. Но Главный погрозил ему пальцем: «Не расслабляйся! К этому мы еще вернемся. Кстати: а где они – деньги? Надеюсь, при тебе? Выкладывай!»

Рауль помедлил, но под взглядом Главного – высокого крепкого мужчины, облаченного в безумный красный пиджак и заправленные в ботинки оранжевые брюки – вытащил из внутренних карманов куртки четыре банковских пачки и положил их на стол. Никак это не прокомментировал, но, скорее всего, он просто подумал, что от человека, одевающегося таким образом, ожидать можно всякого. Возможно, решил, что по степени безумия Главный недалеко ушел от обворованных им, Раулем, существ.

Со своей стороны, Главный взял одну из пачек и принялся внимательно рассматривать, как она упакована. «Что-то не так?» – спросил один из журналистов: не тот, который уткнулся в ноутбук. «Никогда не видел, – ответил Главный, – чтобы банки упаковывали купюры по пятьдесят штук. В каждой пачке должно быть ровно сто. А здесь... смотри: вот эти две, – Главный передвинул по столу две из пачек, – явно настоящие: в каждой по сто стодолларовых купюр. Но вот эти, – Главный кивнул на одну из пачек на столе и показал ту, которую держал в руке, – банковскими быть не могут. В них тоже стодолларовые купюры. По пятьдесят в каждой. А должно быть наоборот: по сто пятидесятидолларовых купюр. Мы не знаем, откуда взялась одна из этих пачек: „француз“ – будем так его называть, раз уж по-другому пока не можем... „француз“ одну из пачек уже имел при себе. Но другую-то он якобы в банке получил! Как такое возможно? Капитан!»

Капитан оторвался от телефона: «Что?» «С кассиром в банке разговаривали?» «Да». «Он что-нибудь...» «Подождите», – капитан вернулся к прерванному телефонному разговору, но быстро его завершил: «Ясно, понял...» Сунул телефон в карман и – Главному: «Что не так с кассиром?» «Какие деньги он выдал „француз“?» «То есть? Пятнадцать тысяч». «Вот эти?» – Главный протянул капитану странную пачку. Тот взял ее, осмотрел и нахмурился: «Этого не может быть!» «Вот и я о том же». Капитан осторожно, чтобы не повредить маркировочный штамп, разорвал «баху» – упаковочную ленту – и принялся ощупывать и чуть ли не обнюхивать купюры. Потом пожал плечами и констатировал: «Ничего не понимаю. Вроде бы настоящие». «Но пачки такими не бывают!» «Не бывают». «Значит...» «Купюры должны быть фальшивыми. Но они настоящие!» «Тьфу, чепуха какая-то! Ладно, вернемся к этому позже. Ну, что удалось узнать?»

Капитан положил деньги на стол. «Нашли того унтер-офицера, который видел, что творилось на эскалаторе. Он не стал докладывать о происшествии. Не знал, как это сделать так, чтобы его в психушку не упекли». «Значит, происшествие все-таки было?» «Да, – подтвердил капитан, – было. Со слов бедолаги, творилось нечто невероятное. Но документы в итоге он у одного из „циркачей“ проверил. Догнал его на автобусной остановке и проверил. Теперь мы

знаем имя. Нашего верзилу зовут...» – капитан не выдержал, захихикал: сначала сдерживаясь, а потом – нет, и, наконец, захохотал во все горло.

«Ну? Ну? Как его зовут?» «Вы не поверите! – капитан захлебывался от смеха. Тыльной стороной ладони вытирал выступавшие из глаз слезы, снова смеялся, снова тер ладонью глаза и снова смеялся. «Не поверите!» «Да говорите же, наконец!» Капитан взял себя в руки. «Его зовут... Эдвин Ликона Ликона!» «Что!» – Главный так и подскочил. Не в переносном, в буквальном смысле. Он вскочил со стула и воззрился на капитана, открыв от изумления рот. «Ликона! – снова захохотал тот. Эдвин!» «Ушам своим не верю!» «Ага!» Главный сел. Покачал головой. Усмехнулся. Потер рукой подбородок. «Ликона... ну и ну... а он – ничего, с юмором!»⁴⁰

⁴⁰ Эдвин Ликона Ликона – губернатор региона Куско с 2015 года. Срок полномочий истекает в 2018 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.